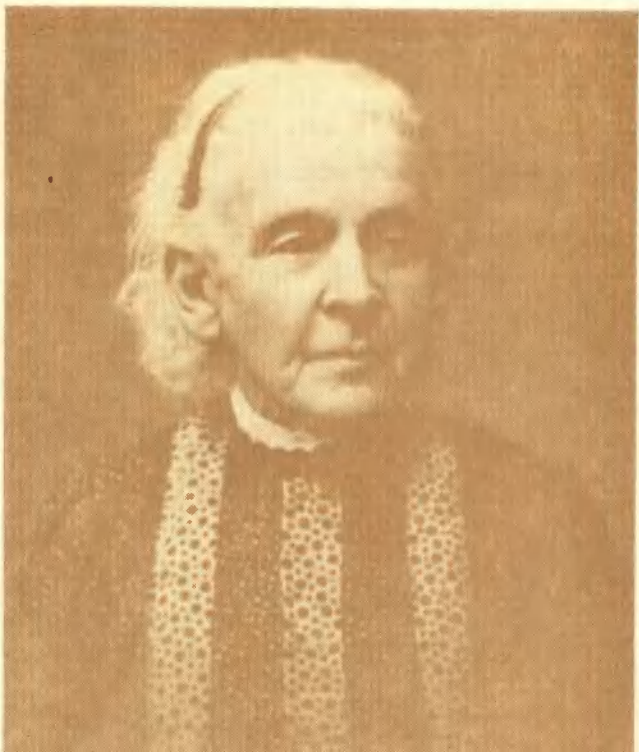

Ж.А.Трофимов

МАТЬ ИЛЬИЧА

Ж.А.Трофимов

*МАТЬ
ИЛЬИЧА*

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
ОЧЕРК

МОСКВА
"СОВЕТСКАЯ РОССИЯ"
1985

ЗК26
Т76

Рецензент старший научный сотрудник ИМЛ
К. Ф. Богданова

Художник Н. И. Василевская

Т $\frac{0103020000-001}{M-105(03)85}$ 3—85

© Издательство «Советская Россия», 1985 г.

ОТ АВТОРА

Ежегодно сотни тысяч людей из всех уголков нашей необъятной Родины, многочисленные туристы и делегации из зарубежных стран приезжают в Ульяновск. Знакомство со старинным волжским городом и его ленинскими местами обычно начинается с осмотра небольшого дома, на фасаде которого укреплен мемориальная доска с текстом: «В этом доме 10 (22) апреля 1870 года родился Владимир Ильич Ульянов (Ленин)». Невдалеке от этого исторического здания в апрельские дни 1970 года была установлена выполненная в бронзе скульптурная композиция, изображающая Марию Александровну Ульянову с четырехлетним Володей. Изящная фигура, горделивая посадка головы, тонкие, одухотворенные черты красивого лица, ясный, прямой взгляд. Мягким жестом левой руки мать обнимает доверчиво прильнувшего к ней сына.

Глубокие чувства взаимной любви и привязанности они сохранили на всю жизнь. Владимир Ильич, как подчеркивала Н. К. Крупская, «страшно любил мать»¹. И уже потому она дорога всем нам. Но светлая память о Марии Александровне живет не только потому, что на нее падает отблеск славы ее великого сына. Она заслужила право на всеобщее внимание и как человек редкостной душевной красоты и благородства, как личность, оказывавшая глубокое и благотворное влияние на всех окружающих. Она, как и Илья Николаевич, была идейным другом своих де-

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 43.

тей: вела их за собой, когда они были малы, шла с ними, когда они стали профессиональными революционерами. Вот почему З. П. Невзорова-Кржижановская, хорошо знавшая Марию Александровну, имела все основания сказать: «Этот чудесный образ матери революционеров (и каких революционеров!) должен войти в историю жизни ее детей, ибо ее жизнь неразрывно с ними связана, им посвящена, и кто учтет, в какой мере она своим прекрасным и сильным духовным обликом повлияла на весь уклад их характера и мировоззрения»¹.

Члены семьи Ульяновых и Н. К. Крупская в своих воспоминаниях, статьях и очерках воссоздали немало ярких страниц жизни Марии Александровны. Они же сделали все, чтобы сохранить ее переписку с Владимиром Ильичем и другими детьми, дали развернутый комментарий к письмам.

Опираясь на эти поистине бесценные источники, труды советских исследователей, а также на собственные архивные разыскания, автор предлагаемой читателю книги предпринял попытку с возможно большей полнотой рассказать о долгой, трудной и славной жизни Марии Александровны Ульяновой, чье 150-летие со дня рождения будет отмечаться 6 марта 1985 года.

¹ Цит. по кн.: Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Письма. Очерки. М., 1978, с. 303 (в дальнейшем — Ульянова М. И.).

НАЧАЛО (1835—1863)

Мария Александровна родилась 22 февраля (6 марта) 1835 года¹ в Петербурге. Когда ей было три года, скончалась мать Анна Ивановна. Осиротевших малолетних детей — сына и пять дочерей — вместе со свояченицей Екатериной Ивановной Эссен, вдовой казанского чиновника, растил и воспитывал отец — Александр Дмитриевич Блапк.

Это был незаурядный человек. Как выходец из мещан, он с большим трудом поступил в медико-хирургическую академию. В 1824 году успешно закончил ее, получив звание лекаря. Обладая недюжинными способностями, Александр Дмитриевич был и терапевтом, и акушером, и хирургом.

Ему были близки передовые идеи того времени. Честность и принципиальность он ставил превыше всего, а карьеризм и прислужничество презирал. «Черты эти влияли на его отношения с начальством, на сработанность с ним, и Александр Дмитриевич переменял за время своей служебной деятельности немало мест»² — так со слов родных характеризовала деда Мария Ильипична.

В служебном списке перечисляются эти места и должности: уездный врач города Поречья Смоленской области, частный врач второй части Петербурга, ординатор больни-

¹ В дальнейшем даты приводятся по старому стилю. В отдельных случаях приводятся оба стиля, в скобках — новый.

² Ульянова М. И., с. 277.

цы, врач флотского экипажа. Александр Дмитриевич дважды по прошению увольнялся в отставку. В 1841 году он навсегда расстался со столицей и отправился на далекий Урал. Вначале был инспектором Пермской врачебной управы и одновременно врачом губернской гимназии и уездного училища. Потом заведовал госпиталем на Юговском заводе и закончил службу в 1847 году доктором знаменитой Златоустовской оружейной фабрики.

В медицине он шел своим, необычным путем: редко использовал лекарства, зато для лечения внутренних и нервных болезней широко применял водолечение и на Юговском заводе организовал одну из первых в России водолечебниц. Как врач А. Д. Блапк пользовался на Урале большой известностью и мог при желании жить безбедно. Но по выходе в отставку он здесь не остался, а купив при содействии родных покойной жены небольшое имение на хуторке Кокушкино, в 40 верстах от Казани, поселился навсегда в этом медвежьем углу. Питался заниматься сельским хозяйством, но неудачно. Медицинскую же помощь охотно оказывал всем окрестным крестьянам.

В домашней обстановке он тоже отличался яркой индивидуальностью. Это был большой любитель чтения, прекрасный шахматист, веселый собеседник и шутник.

Александр Дмитриевич растил и воспитывал детей поспартапски. Закалял физически и нравственно, не допуская баловства, изнеженности и барства. Все сами себя обслуживали. Девочки круглый год носили ситцевые платья с открытой шеей и короткими рукавами, много бывали на воздухе, ежедневно обтирались холодной водой. Обрабатывали на огороде отведенные им грядки, ухаживали за садом, выполняли другие посильные работы. Пища была самой простой, а кофе и чай вовсе не употреблялись. Словом, в жизни Александр Дмитриевич неукоснительно следовал принципам, которые сам начертал в сочинении «Чем

живешь, тем и лечись», а лучшими лекарствами считал солнце, воздух, воду и труд.

По-разному проходило учение детей в семье А. Д. Бланка. Для сына и старших дочерей он приглашал учителей, но для младших этого не позволяли делать материальные затруднения — пенсия составляла всего лишь 23 рубля 80 копеек в месяц. Не по средствам доктору был и Казанский пансион благородных девиц, да к тому же Александр Дмитриевич был противником закрытых учебных заведений с их жесткими порядками и ханжескими правами.

Однако жизнь в глухом захолустье, где не имелось даже начальной школы, не помешала Марии Александровне, у которой были хорошие способности и страстное желание учиться, стать образованным и начитанным человеком. Под руководством отца и тетушки Екатерины Ивановны, давно заменившей ей мать, она основательно изучила русскую и западноевропейскую литературу, историю, математику, овладела немецким, французским и английским языками, игрой на рояле, пением по нотам, научилась искусству кройки и шитья, вязания, узнала научные основы садоводства и огородничества, умело оказывала первую медицинскую помощь.

С годами редело число обитателей кокушкинского дома. Брат Марии Александровны Дмитрий поступил на юридический факультет Казанского университета и зимой 1850 года, учась на втором курсе, при невыясненных обстоятельствах трагически погиб.

Старшие сестры обзаводились семьями. Анна вышла замуж за учителя латинского языка пермской гимназии Ивана Дмитриевича Веретенникова. Любовь стала женой пермского чиновника Александра Федоровича Ардашева, Екатерина — учителя математики тамошней же гимназии Андрея Александровича Залежского. В 1861 году вышла замуж за штатного смотрителя самарского уездного учи-

лица Иосифа Кондратьевича Лаврова и самая младшая — Софья.

Летом в Кокушкино приезжали сестры со своими семьями, и жизнь на хуторе становилась оживленной. В ненастное же время года, особенно долгими зимними вечерами, Мария Александровна иногда тосковала. «Но суровое, простое, чуждое всякого баловства и барства воспитание закалило характер нашей матери,— вспоминала Мария Ильинична,— сделало ее твердой, очень выносливой и терпеливой. Ни в детстве, ни в юности она не знала, что такое нервы, была физически очень крепкой и здоровой»¹.

Время от времени Мария Александровна навещала сестер, живших в городах. Глубокой осенью 1861 года по только что установившемуся сапному пути она приехала в Пензу к сестре Анне, муж которой И. Д. Веретенников недавно занял там должность инспектора дворянского института. 23 ноября она вместе с родственниками присутствовала на торжественном институтском акте и с интересом слушала вдохновенное выступление старшего учителя физики и математики «О грозе и громоотводах». После окончания официальной части Анна Александровна представила сестре лектора, внешне похожего на знаменитого хирурга и педагогического деятеля Н. И. Пирогова. Так состоялось знаменательное знакомство Марии Александровны с Ильей Николаевичем Ульяновым.

С приездом Марии Александровны молодые педагоги института и гимназии стали чаще бывать в квартире Веретенниковых, находившейся на первом этаже главного корпуса института. Общительная и жизнерадостная Анна Александровна очень любила литературу, сама недурно писала стихи и, обладая феноменальной памятью, была ве-

¹ Ульянова М. И., с. 279.

ликолепным декламатором и рассказчицей. Во многом благодаря ей на вечерах читались вслух свежие номера некрасовского «Современника», «Отечественных записок», «Искры» братьев Курочкиных и обсуждались все злободневные вопросы бурной эпохи падения крепостного права, особенно горячо — эмансипация женщин и либерализация народного образования. После вечернего чая с пирогами, печь которые Анна Александровна была великая мастерица, все возвращались в гостиную, где смотря по настроению продолжались страстные споры, начинались баталии за шахматной доской или возникали импровизированные концерты. «Часто бывал у них и Илья Николаевич. Иногда он приносил с собой новую книжку журнала и читал вслух. В. А. Ауновский¹, прозванный «соловушком» за свой хороший голос, пел, пела и Мария Александровна, у которой был небольшой, но приятный голос»². Как хозяйка, так и ее сестра с успехом декламировали гостям стихи Пушкина, Лермонтова, Гейне.

Мария Александровна была очень красива: невысокий рост, стройная фигура, умные, выразительные карие глаза, приветливое, спокойное выражение лица, правильные тонкие черты. Во всей ее сущности чувствовалась большая нравственная сила, доброта и вместе с тем гордая сдержанность и цельность. С детства не привыкшая сидеть без дела, она и в гостях находила занятия. Помогала племянникам готовить уроки, учила их языкам, пению и игре на рояле, много читала. Узнав, что Илья Николаевич испытывает затруднения при переводе трудов французских физиков, Мария Александровна с удовольствием пришла на помощь. Занималась она с ним и новым для него языком — английским.

¹ Учитель естественных наук, сослуживец И. Н. Ульянова.

² Ульянова М. И., с. 280.

Как-то она серьезно заболела, и, по воспоминаниям Верстенинковых, вскоре в Пензу примчался ее отец: прискакал из Кокушкина, стоя в саях и погоняя лошадей. Такой порыв был характерен для энергичной натуры Александра Дмитриевича Бланка, не чаявшего души в своей Машеньке. Во время пребывания отца в Пензе Мария Александровна поделилась с ним сокровенной тайной: Илья Николаевич намеревался просить ее руки. Александру Дмитриевичу понравился будущий зять — высокообразованный и талантливый преподаватель, человек, как и он сам, чуждый карьеризма и стремления к материальной наживе, не жалеющий сил и времени для безвозмездного труда — заведования метеостанцией или воскресной школой для детей ремесленников. Покоряли благородные черты характера избранника дочери: доброта, скромность, готовность прийти на помощь нуждающемуся, кристальная честность и трудолюбие, благодаря которому сын бывшего крепостного стал кандидатом математических наук. Словом, это был идеал человека и гражданина. И Александр Дмитриевич одобрил наметившийся брачный союз. Договорились, что это торжественное и радостное событие состоится в Кокушкине.

На исходе 1862 года в Пензе стало известно о скором закрытии дворянского института. Илья Николаевич тогда же возбудил ходатайство о переводе в нижегородскую гимназию. В июне следующего года пришел приказ о перемещении, и он стал рассчитывать с учебным заведением, в котором прослужил более восьми лет. Готовилась к отъезду и Мария Александровна. Она договорилась с сестрой Софьей, жившей в Самаре, что летом они вместе будут сдавать экстерном экзамены при тамошней мужской гимназии на право первоначального обучения детей русскому, французскому, немецкому языкам и арифметике. Илья Николаевич горячо поддерживал стремление любимой де-

вушки приобрести формальное право на педагогическую деятельность. И как большой знаток математики и методики ее преподавания давал Марии Александровне необходимые консультации.

15 июля 1863 года она сдала в Самаре экзамены и, получив на руки столь желанное свидетельство учительницы, отправилась в Кокушкино. Вскоре сюда же приехал Илья Николаевич.

Бракосочетание Марии Александровны и Ильи Николаевича состоялось 25 августа в селе Черемышево, находившемся в трех верстах от Кокушкина, в присутствии отца, сестер, тетушки, свидетелей и близких знакомых. А через несколько дней счастливая чета Ульяновых отправилась из Казани на пароходе в Нижний Новгород.

НИЖНИЙ НОВГОРОД (1863—1869)

Первое время Ульяновы жили в «красном флигеле», принадлежавшем дворянскому институту, так как Илья Николаевич исполнял обязанности воспитателя этого учебного заведения. Через год, когда он стал и заведующим физическим кабинетом мужской гимназии, то отказался от институтской должности, и Ульяновы переехали в квартиру, находившуюся на третьем этаже гимназического здания. Учебная нагрузка Ильи Николаевича была очень большой. Помимо преподавания физики и математики в гимназии он вел занятия по планиметрии на землемерно-таксаторских курсах, а также по физике в женском училище 1-го разряда. Мария Александровна относилась с пониманием к работе мужа, который дома находил помощь и уют. Как и в Пензе, он считался одним из лучших педагогов, и характеристикой, данной Илье Николаевичу попечителем Казанского учебного округа, можно было гордиться: «Ульянов, снискавший себе известность отличным педагога, по достоинству занимает принадлежащее ему место между лучшими преподавателями. Его мягкое и симпатичное обращение с воспитанниками, всегда ровный и благоразумный такт привлекает к нему учеников и заставляет охотно заниматься. Самое его преподавание отличается ясным и толковым изложением и тем терпеливым вниманием, которым он слабых и менее развитых учеников доводит до полного усвоения преподаваемого...»¹

¹ Анисенкова А., Балика Д. И. Н. Ульянов в Нижнем Новгороде. Горький, 1969, с. 49.

В часы досуга Илья Николаевич и Мария Александровна встречались со старыми пензенскими знакомыми — супругами Захаровыми, В. А. Ауновским и его матерью Натальей Ивановной, а также с антиправительственно настроенными учителями Б. И. Сциборским — другом Н. А. Добролюбова, Г. Г. Шапошниковым — учеником Н. Г. Чернышевского по саратовской гимназии, Н. В. Копиченко и М. Н. Попковым — членами «Земли и воли», А. Ф. Мартыновым, другими сторонниками идей, развиваемых редакцией «Современника».

В 1864 году у Марии Александровны родился первый ребенок — дочь Анна, а через два года — сын Александр. Начались счастливые хлопоты. Однако она не замыкалась в степях своей квартиры. В учительских семьях у Марии Александровны появились добрые приятельницы. Наталья Ивановна Ауновская и Матильда Ивановна Мартынова стали первыми ее консультантами по уходу за детьми. Вечерами, когда ребята засыпали, женщины собирались вместе, чтобы почитать, поговорить, помузицировать. Илья Николаевич на таких вечерах читал вслух печатавшийся частями роман «Война и мир» Л. Толстого, другие литературные новинки.

Из Нижнего ранней весной 1868 года с первыми пароходами Мария Александровна совершила с детьми поездку в Астрахань, к родным Ильи Николаевича. Ане тогда было около четырех лет, но она хорошо запомнила маленький домик, приобретенный покойным дедушкой-портным, бабушку Анну Алексеевну и дядю Василия Николаевича, которые с удовольствием возились с ней и Сашей и, как мать находила, баловали их чересчур.

Сама же Мария Александровна избегала баловать первенцев, но всегда старалась доставить им радость. За что бы она ни бралась, все делала с таким вдохновением и фантазией, что даже, казалось бы, такая немудреная ком-

натная игра на стульях, изображавших тройку с санями, превращалась ею в яркое и незабываемое путешествие. В памяти Анны Ильиничны навсегда запечатлелась такая картина: «Брат (Саша.— Ж. Т.) сидел за кучера, с увлечением помахивая кнутиком, я с мамой сзади, и она оживленно рисовала нам краткими понятными словами зимнюю дорогу, лес, дорожные встречи.

Мы оба наслаждались. Ясно вставали перед глазами описываемые ею сцены. Мое детское сердчишко было переполнено чувством благодарности к матери за такую чудную игру и восхищения перед ней. Могу с уверенностью сказать, что никакой артист в моей последующей жизни не пробудил в моей душе такого восхищения и не дал таких счастливых, поэтических минут, как эта бесхитростная игра с нами матери»¹.

В июле 1868 года в семье появился третий ребенок — Оленька, и забот прибавилось. Но Мария Александровна по-прежнему находила время как для воспитания детей и ведения домашнего хозяйства, так и для того, чтобы следить за новинками литературы и музыки, быть в курсе всех педагогических и социальных вопросов, волновавших мужа и его друзей.

А одной из злободневных проблем той поры была проблема народной школы. В полемике о целях, путях ее развития и методах обучения приняли участие Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский, Н. А. Корф, другие видные писатели и педагоги. «Сознание необходимости работать в народе и для народа, которому надо было «заплатить долг», которого нужно было просветить и вывести из темноты, нищеты и беспорядка, широко охватило все передовое мыслящее общество России в эту эпоху»².

¹ Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М.—Л., 1930, с. 36—37 (в дальнейшем — Ульянова-Елизарова А. И.).

² Ульянова М. И., с. 230.

Илья Николаевич, одушевленный, по выражению Анны Ильиничны, «лучшими идеями конца 60-х годов», не мог остаться в стороне. Педагогическая работа в средних учебных заведениях перестала удовлетворять его. Ему захотелось «поля работы пошире и хотелось применять ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов»¹.

В июле 1869 года в семью пришло большое горе. Тяжелая болезнь унесла годовалую Оленьку. Несмотря на сильные переживания, Мария Александровна сумела понять благородные стремления мужа. И этим же летом, когда у Ильи Николаевича появилась возможность занять должность инспектора народных училищ Симбирской губернии, она без колебаний оставила в Нижнем Новгороде четырехкомнатную казенную квартиру, друзей и отправилась в незнакомый провинциальный Симбирск, где предстояло жить на частных квартирах, долгими неделями ждать возвращения любимого человека из нелегких поездок по селам.

22 сентября Ульяновы отплыли на пароходе от нижегородской пристани, а через два дня Илья Николаевич, Мария Александровна, пятилетняя Аня и трехлетний Саша рассматривали с палубы город, живописно раскинувшийся на правом высоком берегу Волги.

¹ Ульянова М. И., с. 231.

СИМБИРСК (1869—1887)

1

Мария Александровна знала, что Илье Николаевичу как инспектору народных училищ казенного жилья не полагалось. Но кто мог подумать, что частные квартиры придется менять чуть ли не ежегодно? По приезде в Симбирск Ульяновы поселились на Стрелецкой улице, протянувшейся у самой бровки высокого волжского косогора, во флигеле вдовы дьякона Прибыловской, стоявшем во дворе. А через шесть с половиной месяцев, 10 апреля 1870 года, у Марии Александровны родился второй сын — Владимир. В семью взяли няню, вдову солдата Варвару Григорьевну Сарбатову. Осенью, когда Володе было полгода, перебрались в верхний этаж каменного дома хозяйки. В ноябре 1871 года детей стало четверо: появилась девочка, которую называли Олей. А через несколько дней переселились в соседний деревянный дом унтер-офицерши Жарковой. Здесь в августе 1874 года родился Митя.

В 1875—1878 годах Ульяновым пришлось менять жилье каждую зиму. Жили в двух домах на Московской улице (ныне ул. Ленина, д. 74 и 72), спускавшейся от центра города к Свияге, затем перебрались на параллельную ей Покровскую (теперь ул. Л. Толстого, д. 32), где с рождением последней — Маняши в семье стало шестеро детей.

Так, за первые девять лет жизни в Симбирске пришлось кочевать по шести частным квартирам. К этому постоянно вынуждали обстоятельства: и семья росла, и очередные квартиры таили в себе новые неудобства. Либо в подвалах стояла вода, и малыши заболели, либо по-

близости шумело какое-нибудь «заведение», либо дворы были малы и так забиты хозяйственными службами, что ребятам и порезвиться было нелегко. Наконец, приходилось считаться и с возраставшей дороговизной жилья. Матери большого семейства эти частые переезды и жизнь по чужим квартирам приносили немало трудностей и огорчений, делая все желаннее мечту о собственном доме.

2 августа 1878 года Ульяновы, наконец, купили дом с садом на уже хорошо знакомой Московской улице. Он был деревянный, в один этаж с фасада и с антресолями под крышей со стороны двора. Внизу разместились гостиная, кабинет Ильи Николаевича, столовая, комнатки Марии Александровны и няни. На верхнем полуэтаже получили по маленькой комнате Саша, Володя и Аня и детскую — трое младших. Обе половины антресольей имели внутренние лестницы, соединявшие верх с низом через две прихожие. Мария Александровна была счастлива: наконец-то началась оседлая и уютная жизнь. Вспоминая свой дом, Анна Ильинична писала, что обстановка была самая простая, какая вообще часто встречалась у разночинцев средней руки, многое покупалось по случаю, вообще определенного характера не было. Портретов и картин на стенах не было, обстановка носила пуританский характер. Книжки в шкафах и на полках, географические карты на стенах, рояль были предметами первой необходимости. Большая любительница природы, Мария Александровна комнаты украшала цветами.

Под стать скромной обстановке дома столь же демократичными, естественными для передовых разночинцев были принципы и методы, которыми руководствовались Ульяновы в создании всего уклада жизни, организации труда и отдыха в большой семье.

К. Д. Ушинский считал, что первой учительницей своих детей, по возможности, должна быть их мать. Мария

Александровна была готова к этой роли. И дело здесь не только в свидетельстве, дававшем ей право на первоначальное обучение детей русскому, немецкому, французскому языкам и арифметике. По меткому определению старшей дочери, она, как и Илья Николаевич, была «педагогом в душе». Всегда ровная, приветливая, веселого нрава, «покоряла она своих детей, в которых вкладывала все силы, которых окружала самоотверженной любовью без баловства и потаканья, внимательным и чутким надзором без излишнего стеснения их свободы»¹.

У Марии Александровны был сильный характер. Обладая большой выдержкой и силой воли, она никогда не повышала голос в разговорах с детьми и очень редко их наказывала — достаточно было серьезного тона матери, которым она делала замечание, чтобы ребенок послушался. «Так велик был ее авторитет среди детей, — писала Мария Ильинична, — которые глубоко любили и уважали ее и для которых недовольство матери их поведением уже само являлось наказанием»². В воспоминаниях Анны Ильиничны поясняется: «Самым большим наказанием для расшалившегося не в меру Володи или сестры его Оли было удаление в кабинет отца, в клеенчатое кресло. Усаженный в него шалуни скоро ожидал освобождения и когда мать позабыла раз про наказанного Володю, она застала его заснувшим в кресле».

Мария Александровна буквально жила детьми, делая их детство радостным и счастливым. Она участвовала во всех играх, водила их на прогулки, приобщала к сокровищницам русской сказки и поэзии, разучивала с ними песни, аккомпанируя на рояле. По вечерам, когда она играла для себя, малыши нередко засыпали под игру матери, а старшие привыкали и работать под звуки рояля.

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 33.

² Ульянова М. И., с. 280.

В семье Ульяновых дети рано приобщались к грамоте. Мать, словно играя, учила пятилетнюю Аню читать по азбуке, вырезанной из картона, применяя усовершенствованный Ильей Николаевичем звуковой метод. Саша выучился возле сестры самостоятельно и уже четырехлетним читал газету, расстелив ее на полу и лежа на ней. Когда наступил черед второй пары детей, мать занимается с ними. «Читать Володя научился у матери лет пяти,— рассказывала Анна Ильинична.— И он, и сестра Оля очень полюбили чтение и охотно читали детские книги и журналы, которые в изобилии получал наш отец. Стали они скоро читать и рассказы из русской истории, заучивали наизусть стихи»¹.

Это раннее чтение направлялось родителями, которые прежде всего заботились о том, чтобы дети имели ясные представления о добре и зле, уважали трудовой люд, стремились быть полезными своей Родине. И не случайно пятилетняя Оля выучила наизусть большую стихотворную «Сказку про воробья, который делал все, что мог» С. Бурениной и охотно декламировала ее по просьбе родных и знакомых.

Содержание сказки незамысловато. Воробышек не раз видел, как люди восторгаются звонкой песней жаворонка, любят грациозной трясогузкой, восхищаются веселым щебетанием ласточек, и жалуется матери, что никто не восторгается его чириканьем, не назовет красивым, не похвалит. Мать ответила:

Красота, величье, слава
Не для всех в удел дапы,
Но быть добрыми и с пользой
Жить на свете все должны!

¹ Ульянова А. И. Детские и школьные годы Ильича. М., 1981, с. 13.

И воробыха рассказала, как она однажды помогла своим чириканьем позабыть невзгоды молодой швее, горько плакавшей у окна ветхого дома. Воробышек понял добрый урок матери, перестал грустить, стал трудиться и делать всем добро: отдавал зернышки больным птицам, бедных песней утешал. А когда нелепый случай оборвал его жизнь, прощальную песню ему пропел сам жаворонок, а все птицы хором повторили: «Он был добр, он был полезен, делал в жизни все, что мог!»

Высокую мораль дети впитывали, как говорится, с молоком матери. По свидетельству старшей дочери, все любили «Колыбельную песню», которую она им пела в детстве. Перечисляя наиболее почетные в обществе профессии — полководца, поэта, ученого, философа, мать не исключает в «Песне» возможности, что ее дитя ждет жребий скромного, неизвестного труженика. Такая судьба ее не огорчает, и она хочет только, чтобы он стал работником честным и избегал неправоты. Высказывает (оказавшуюся пророческой!) надежду:

...Ты, быть может, на природу
Прозорливый кинешь взор,
Человеческому роду
Разодвинешь кругозор;
Неизвестную от века
Тайну мира подглядишь,
Новой силой человека
Для боренья одаришь...
Может быть, тебя, мой милый,
Ждут печали и нужда,
Спи, дитя, собирайся с силой
Для борьбы и для труда...

Володе в семи-восемилетнем возрасте очень нравилась «Песня бобыля» И. С. Никитина. Презрение к бездельнику скопидому и явная симпатия к труженику крестьянину,

весь пожиток которого состоял из зипуна, звучали, когда он с большим задором декламировал перед родными:

Богачу — дур-раку
И с казной не спится,—
Бедняк гол, как сокол,
Поет, веселится¹.

Обладая талантом умелого организатора, Мария Александровна сумела в большой семье создать для всех такую атмосферу, которая благоприятствовала серьезным занятиям старших детей и не стесняла развития младших. Установленный в доме распорядок дня соблюдался неукоснительно. Для приготовления уроков дети сходились в столовую, и здесь, за большим обеденным столом, под присмотром матери занимались Саша, Аня, Володя и Оля. Во-первых, в случае надобности каждый мог получить совет, помощь. Во-вторых, мать собирала всех ребят у одной лампы в целях безопасности, да и экономии керосина. Однако занятия в столовой имели некоторое неудобство для Ани и Саши: Володя обычно раньше справлялся с уроками и вовлекал в шалости Олю и Митю, что, естественно, отвлекало старших от дела. «И бедной матери,— вспоминала Анна Ильинична,— приходилось справляться с невыполнимой задачей: соблюсти одинаковые интересы различных по возрасту, темпераменту и знаниям детей, так как ясно, что меньшим надо было тоже двигаться, шуметь, а по временам и колесом ходить. В наиболее трудные минуты, и когда отец оказывался свободным, он приходил на выручку. «Володя, ты что уроки не учишь?» — «Я выучил». — «Ну, покажи, что задано». И отец уводил Володю в кабинет для проверки уроков. Но оказывалось, что он прав, что все задания действительно исполнены...» Тогда Илья Николаевич старался занять его рассматриванием

¹ Ульянова А. И. Детские и школьные годы Ильича. М., 1981, с. 13.

глобуса или каких-нибудь коллекций, игрой в шахматы. Иногда мать уводила меньших в гостиную, садилась за рояль и тихо играла.

Илья Николаевич был образцовым семьянином. К большой радости ребят, он играл с ними в жмурки, рассказывал смешные истории, распевал песенки, танцевал, участвовал в «сидячих» играх, составлении ребусов, шарад, учил выпиливанию лобзиком, резьбе по дереву, игре в шахматы. Очень любили дети его кабинет, где всегда было много различных приборов, моделей, выставок, коллекций, атласов, гербариев. Отец рассказывал им о смене дня и ночи, времен года, атмосферных явлениях, знакомил с мерами веса и объема, календарями, картинами «трех царств природы», единицами измерения времени и пространства, географическими картами, глобусом, показывал «туманные картины» через «волшебный фонарь», указывал наиболее интересные материалы в детских журналах.

Мария Александровна и Илья Николаевич очень любили природу. Прогулки за город, купание в Свияге, поездки по Волге — все это полюбили и дети. Особенно счастливыми были те летние недели, которые Ульяновы проводили в Кокушкине. Прогулки по живописным окрестностям, к речушке Ушне для детей становились особенно приятными, когда в них принимали участие родители. Близость к природе всегда преображала мать: она оживлялась, глаза ее блестели ярче, вся она точно молодела. Она лучше всех знала каждую тропинку и полянку, безошибочно выводила детей к грибным и ягодным местам, учила распознавать растения, разъясняла происхождение названий роиц, водоемов и угодий, рассказывала были и легенды края.

После покупки своего дома с садом Мария Александровна не могла бывать в Кокушкине ежегодно. И когда она впервые оставалась с младшими в Симбирске, а старшие

уезжали в деревню с отцом, Володя, как впоследствии рассказывала Анна Ильинична, «бойкий мальчуган, очень желавший отправиться в путешествие, в последнюю минуту, когда пароход начал отчаливать от пристани, чуть-чуть не расплакался, глядя на оставшуюся на пристани мать,— он в первый раз расставался с нею,— и лишь особыми, ободряющими улыбками и жестами матери удалось сдержать его слезы».

С ранних лет родители приучали детей к посильному труду. В нем они видели лучшее средство развития физических сил и способностей ребенка, формирования у него твердого характера и воспитания высокой нравственности. Они проявляли немало изобретательности, чтобы труд на первых порах не показался принудительным, заинтересовывал и увлекал детей. «Помню, сколько интереса доставляло мне,— рассказывала Мария Ильинична,— когда я была еще совсем маленькой, обучение вязанию и шитью. Мать подарила мне большой клубок красной шерсти и крючок для вязания. Я принялась за дело и скоро увидела с удивлением, что из-под шерсти торчат какие-то твердые предметы. Постепенно, по мере того, как я вязала, из клубка появлялись маленькие игрушки, конфеты и т. п. И я вязала с увлечением, стараясь поскорее разгадать все тайны, заключающиеся в этом чудесном клубке»¹. А с каким увлечением ребята под руководством матери мастерили елочные игрушки и украшения, готовили самодельные подарки к именинам и праздникам!

Постепенно Мария Александровна добивалась того, чтобы дети сами себя обслуживали, старшие заботились о младших; словом, понимали, что у каждого есть определенные обязанности. Многословных назиданий не требовалось — дети видели, что мать и отец сами всегда заняты делом.

¹ Ульянова М. И., с. 281.

Предметом постоянных забот Марии Александровны были довольно большой фруктовый сад и цветник, выращенные под ее руководством и при ее деятельном участии, в которые она вносила все новые и новые улучшения. Илья Николаевич писал своему бывшему помощнику в Оренбург 20 апреля 1882 года: «Наконец-то весна начинает вступать в свои права. На днях только начали копаться в саду: садить вишню и кое-что пересаживать.

Жена кланяется Вам и Клавдии Арсеньевне и просит извинить ее за то, что сама не пишет: сад, по обыкновению, отнимает у нее все время...»¹

А Анна Ильинична вспоминала: «Мы все, дети, постоянно помогали поливкой и некоторыми другими работами, чем были до большой степени заняты наши летние вечера. Помню всех нас, бегающих с лейками и ведерками, накачивающих воду из колодца, очищающих скребком дорожки и т. п. Мать с большим жаром взялась за работу в садике, она сумела заинтересовать и сплотить нас, так что трудовое начало — этот верный принцип в воспитании, проводился у нас очень охотно и дружно».

Забываясь о гармоничном развитии ребят, Мария Александровна много внимания уделяла музыкальным занятиям. По вечерам, особенно в субботу, она садилась за рояль и играла, а девочки и мальчики под ее аккомпанемент пели полюбоившиеся песенки. Когда они подрастали, мать исполняла для них старинные песни, романсы и отрывки из опер. Естественно, что в семье все были очень музыкальны. Всех детей мать учила игре на рояле. У Володи развился великолепный слух. По воспоминаниям Дмитрия Ильича, он в возрасте восьми-девяти лет бойко играл многие детские пьесы, играл и с матерью и со старшими в четыре руки.

¹ Цит. по кн.: Кондаков А. И. Директор народных училищ И. Н. Ульянов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1964, с. 273.

Немало усилий приложила Мария Александровна для того, чтобы дочери и сыновья с ранних лет овладевали европейскими языками. Этому способствовал установленный ею порядок: один день они разговаривали между собой по-русски, другой — по-французски, третий — по-немецки и т. д. Это очень помогало ребятам успешно овладевать языками в гимназиях, вырабатывало у них лингвистические навыки.

Родители всячески поощряли литературное творчество детей. Они, например, с одобрением отнеслись к затеянному под руководством Саши изданию рукописного «Субботника». В роли критика незатейливых рассказов Володи и Оли выступала Аня. Редактор помещал в домашнем журнале шарады, ребусы, дружеские шаржи, загадки, красочно оформлял обложку. Вечером в субботу все сходились в столовой, где все собранное читалось вслух. В обсуждении «Субботника» самое живое участие принимали отец и мать. Много лет спустя Анна Ильинична писала: «Помню их оживленные, довольные лица; помню какую-то особую атмосферу духовного единения, общего дела, которая обволакивала эти наши собрания. Теперь, когда я гляжу назад, мне кажется, что эти вечера были апогеем коллективной близости нас, четверых старших, с родителями. Такое светлое и радостное оставили они воспоминание!»¹

Вся эта деловая и светлая атмосфера, царившая в доме Ульяновых, благотворно действовала на быстрое развитие способностей детей. Все они отличались большой любознательностью и к семи-восемью годам далеко опережали своих сверстников по объему знаний. Вместе с тем, к большому удовлетворению родителей, дети росли трудолюбивыми, волевыми, искренними, чуткими, с развитым чувством долга.

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 61.

Добрые плоды хорошо продуманного домашнего обучения и воспитания благотворно сказались на учебе в гимназиях уже старшей пары детей Ильи Николаевича и Марии Александровны: Саши — в классической, Ани — в женской марининской.

Обучение сына было бесплатным, так как дети чиповников, прослуживших в ведомстве министерства народного просвещения более десяти лет, освобождались от платы. За учение в женской гимназии требовалось уплачивать по 45 рублей в год, что было немаловажно для бюджета Ульяновых, сводивших концы с концами только благодаря умелому и экономному хозяйствованию Марии Александровны. Поэтому родители были вдвойне довольны тем, что дочь, благодаря хорошей подготовке, смогла поступить сразу в пятый класс, миновав седьмой и шестой¹.

Вместе с тем в начале учения были и трудности, особенно с Аней. Ей не понравилась обстановка в гимназии, к тому же девочка страдала головными болями и бессонницей. Поэтому иногда Мария Александровна оставляла ее дома и занималась с ней сама. Постепенно Аня освоилась с порядками в гимназии и стала получать награды при переходе из класса в класс, а в 1880 году, когда ей не было и шестнадцати, самая юная из выпуска получила большую серебряную медаль.

Аня вместе с Сашей читает всех русских и зарубежных классиков. Под влиянием Писарева интересуется естественнонаучной литературой, переводит на русский Гейне, пробует силы в поэзии. Увлеченная подвижнической деятельностью отца по просвещению детей неимущих клас-

¹ В марининской гимназии самым младшим был седьмой класс, а выпускным — первый,

сов, она мечтает о месте народной учительницы. Юный возраст стал этому помехой, и она помогает матери в уходе за младшими, продолжая заниматься самообразованием.

Тяжела была гимназическая лямка Саше. Большинство учителей, возглавляемых несквежественным директором-казнокрадом И. В. Вишневым, преподавали бестолково, делали упор на зубрежку и муштру, к воспитанникам относились грубо, несправедливо. Те в свою очередь мстили начальству, издевались над малышами. Дома Саша не жаловался, только становился более замкнутым, и Мария Александровна с болью замечала, что грустные глаза сына становились еще печальнее. Когда же он после зубрежки заданной на дом какой-нибудь старинной белиберды на немецком языке становился совсем мрачным, мать старалась «подсластить палочкой шоколада»¹.

Но у Саши был очень твердый характер. Он сдерживал себя в гимназии, учился и вел себя там безупречно. К счастью, жалобы родителей гимназистов возымели действие, и в конце концов в гимназию пришли более квалифицированные педагоги. Главный же недостаток ее остался: по-прежнему было засилье древних языков, процветали муштра и зубрежка. Недовольный схоластическим содержанием большинства изучавшихся в классе предметов, Саша штудировал дома книги по естественным наукам, особенно химию по Менделееву. Чтобы приобрести нужные приборы, реактивы и руководства, он дает частные уроки и на вырученные деньги оборудует в кухоньке флигеля небольшую лабораторию. Изыскивает время для чтения Толстого, Тургенева, Писарева и таких солидных монографий, как «История умственного развития Европы» Дрэпера или «История цивилизации в Англии» Бокля. В 1883 году Саша — опять-таки один из выпуска и будучи самым

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 59.

юным по возрасту среди соучеников — получил золотую медаль.

Саша был удивительно цельной и благородной натурой. Его любили и уважали товарищи по классу, все домашние, особенно Володя и Оля, для которых он тоже был образцом трудолюбия и изобретательности, справедливости и доброты, честности и удивительной скромности, постоянной готовности прийти на помощь младшему и поделиться своими знаниями. Анна Ильипична писала впоследствии: «О чем бы в те годы ни спросили Володю, он отвечал неизменно одно: «Как Саша». Помню, как мы трупили над ним, как ставили его иногда в намеренно неловкое положение — ничто не помогало. И если с годами подражание брату утратило такой смешной характер, то во всем основном по мере сил Володя, как и все мы, старался «равняться по Саше»¹.

Мария Александровна и Илья Николаевич с удовлетворением видели, как старший сын в свою очередь заботился о младшем брате. И когда на семейном совете обсуждался вопрос о предстоящем учении Володи в гимназии, двенадцатилетний Саша решительно заявил, что «не следует отдавать Володю в подготовительный класс, а надо подготовить его к первому»².

Родители прислушались к его мнению, и Володя начал овладевать курсом подготовительного класса сначала дома, затем под руководством народных учителей В. А. Калашникова, И. Н. Николаева. Завершала его подготовку Вера Павловна Ушакова. А с какими желанием и ответственностью восьмилетний мальчик относился к этим занятиям! «Проворный и живой,— вспоминала старшая сестра,— Володя бежал обычно бегом на урок. Помню, как

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 44.

² Там же, с. 56.

мать сказала в одно свежее утро: «Убежал Володя в ситцевой рубашке! Хотела ему надеть что-нибудь сверху, да не успела обернуться, а его уже нет: я к окну, чтобы позвать его, а он уже за угол заворачивает»¹. В августе 1879 года Володя сдал вступительные экзамены в первый класс на пятерки и стал самым юным учеником классической гимназии.

В это же время началось учение и Оли. Сначала с ней занимались мать и старшая сестра. Рано, семи лет, ее определили в первое женское приходское училище, где она проучилась год. Потом родители посчитали, что она еще мала, и забрали ее из школы. Два последующих года Оля снова занималась под руководством матери и Ани, а в 1882 году поступила сразу в выпускное отделение того же приходского женского училища, которое и окончила в следующем году с первой наградой.

Постоянно радовал успехами Володя: из класса в класс переходил с первыми наградами. Его природная одаренность в благоприятной домашней обстановке развивалась стремительно, и обычной была картина, которую рисует в воспоминаниях Анна Ильинична: «Возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же — удачные ответы, хорошие отметки, то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять».

Так ясна у меня перед глазами эта сцена: я сижу в кабинете отца и ловлю довольную улыбку, которой обмениваются отец с матерью, следя за коренастой фигуркой в

¹ Цит. по кн.: Трофимов Ж. Ульяновы. Поиски, находки, исследования. Саратов, 1978, с. 89.

гимназической шинели... Предметы, конечно, менялись; иногда звучало: «Из латыни пять, из алгебры пять», но суть была одна: получалась обычно одна отметка — 5»¹.

Да, наступила та счастливая пора, когда Илья Николаевич полусутоливо, но с нескрываемой гордостью смог сказать во время беседы с учительницей Верой Васильевной Кашкадамовой, что у них с Марией Александровной плохих детей нет, и даже оттенить особенности каждой пары: «Александр и Анна — люди способные и талантливые и из них в будущем выйдет большой толк. Вторая пара — Владимир и Ольга — самая любимая, эти, пожалуй, будут лучше старших и пойдут еще дальше. Третья пара — Дмитрий и Мария — народ тоже довольно способный, но сказать про них ничего еще нельзя».

Такого мнения, очевидно, придерживалась и Мария Александровна в августе 1883 года, когда собирала в дорогу Александра и Аппу. Сын поступал на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, а дочь — на историко-филологическое отделение Высших (Бестужевских) женских курсов. Им с Ильей Николаевичем было грустно отпускать так далеко детей. Они предпочли бы более близкую Казань, там и родственники были. Но Саша рвался в столичный университет, где преподавали Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, Н. П. Вагнер, А. Н. Бекетов и другие светила науки мировой величины. Казанские же женские курсы были на грани закрытия. Поэтому другого выхода не было.

С Сашей расставались надолго: на первых трех курсах он ни разу не приезжал в Симбирск на зимние каникулы. Это объяснялось необходимостью поработать в университетских лабораториях. Но отец и мать знали, что старший сын отказывает себе в этих поездках и по принципиально-

¹ Ульянова А. И. Детские и школьные годы Ильича, с. 39—40.

му мотиву: не хочет обременять бюджет родителей дорожными расходами ради нескольких дней свидания с близкими. В период летних вакаций он вел себя безукоризненно: был вежлив и внимателен со всеми, гулял и возился с Митей и Маняшей, охотно беседовал с Владимиром и Ольгой, играл с ними в шахматы или крокет, купался и посвящал в свои зоологические опыты. Как и раньше, он иногда уединялся и много читал. Заметно было, что Саша стал взрослым человеком со своими взглядами на жизнь, на свое место в ней. Можно было не сомневаться и в том, что после окончания университета Саша останется в Петербурге для подготовки к профессорскому званию.

Аня тоже ни единым своим поступком за студенческие годы не огорчила мать и отца. Стихи и рассказы, которые она писала, отличались глубиной чувства и изяществом. О незаурядных ее литературных способностях говорило и то, что составленный ею по поручению студентов-бестужевков приветственный адрес М. Е. Салтыкову-Щедрину по случаю именин показался знаменитому сатирику самым прочувствованным, понравился больше всех других, полученных к 8 ноября 1885 года.

Равняясь на старших брата и сестру, с каждым годом набирала силу и средняя пара, тоже крепко дружившая между собой и тоже радовавшая Марию Александровну и Илью Николаевича блестящими успехами в гимназической учебе, высокой нравственностью, добрым отношением к Мите и Маняше, няне Варваре Григорьевне. Находили они время для серьезного чтения, а Ольга — и для систематических запятий музыкой. Вместе с тем Ольга и Владимир были самым живым элементом в доме и своей энергией и постоянной жизнерадостностью улучшали обстановку в семье, вольно или невольно отвлекали мать и отца от грустных мыслей в моменты тревог и невзгод. Причин же для переживаний у родителей было достаточно.

После разгрома «Народной воли» наступила зверская реакция, особенно в области образования. Передовая студенческая молодежь, недовольная новым университетским уставом, волновалась и не раз выступала открыто против ликвидации университетской автономии и запретов на существование земляческих организаций. Илья Николаевич, с которым Саша всегда был вполне откровенен, летом 1885 года убедился, что сын полон решимости бороться со всеми силами, враждебными самым общекультурным стремлениям общества. Зная, что он никогда слов на ветер не бросает, Илья Николаевич поделился тревогой за его судьбу с Марией Александровной. А когда Лня уезжала в Петербург, отец попросил ее: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас»¹.

Тяжелые времена настали для начальной школы вообще и для Ильи Николаевича как руководителя народного образования губернии в особенности. Местные мракобесы из дворян и духовенства на страницах «Симбирской земской газеты» открыто критиковали директора народных училищ и его сторонников за приверженность идеям К. Д. Ушинского, земской школе, за нежелание свести обучение детей крестьян к чтению, письму, арифметике, церковному пению и изучению закона божьего. Дело дошло до того, что осенью 1885 года консервативная верхушка сызранского земства открыто выразила сомнение в возможности изменения школьного дела в желаемом для правительства духе при нынешней дирекции училищ Симбирской губернии.

Эти нападки доставляли немало огорчений и Марии Александровне. Она, как никто другой, была в курсе всех дел, забот и тревог мужа, видела, как, не жалея сил и здо-

¹ Ульянов Д. И. Очерки разных лет. Воспоминания, перепiska, статьи. М., 1974, с. 31.

ровья, на протяжении шестнадцати с лишним лет он сеет «разумное, доброе, вечное» на ниве народного просвещения. Она понимала необходимость и важность его многотрудной работы, всей душой сочувствовала ей и ради нее каждый раз заботливо собирала его в изнурительные поездки по школам губернии и неделями терпеливо ожидала его возвращения.

В декабре 1885 года Мария Александровна проводила мужа в очередную поездку: он отправлялся в Сызрань, чтобы осмотреть народные школы и выяснить мнение о них деятелей местного самоуправления. Илья Николаевич понял, что далеко не все земцы одобряли реакционный курс, но охотников открыто бороться против него было мало. В это время в Сызрань приехала из Петербурга старшая дочь, и они вместе направились на лошадях в Симбирск. Позднее Анна Ильинична писала: «Помню, что отец произвел на меня сразу впечатление сильно постаревшего, заметно более слабого, чем осенью... Помню также, что и пастроение его было какое-то подавленное, и он с горем рассказывал мне, что у правительства теперь тенденция строить церковноприходские школы, заменять ими земские. Это означало сведение насмарку дела всей его жизни. Я только позже поняла, как тягостно переживалось это отцом, как ускорило для него роковую развязку»¹.

Домой они прибыли в первый день рождественских каникул у Владимира, Ольги и Дмитрия. Илья Николаевич старался не омрачать праздничного настроения родных и выглядел даже сравнительно жизнерадостным.

Конец декабря и первые дни нового, 1886 года у Ильи Николаевича, как обычно, были заполнены лихорадочной

¹ Ульянова - Елизарова А. И., с. 114.

работой по составлению отчета о состоянии народных училищ губернии за прошедший год. В это очень тревожное для себя время, когда нависла угроза второго за последние годы появления приказа министра просвещения об увольнении его в отставку, Илья Николаевич проявил настоящее гражданское мужество. Зная, что власти ждут от него одобрения курса на развитие сети церковноприходских школ, он не показал этого в отчете. Зато вопреки утверждению реакционеров о том, что крестьяне якобы предпочитают иметь для своих детей церковноприходские школы, особо подчеркнул ревностное отношение «самого народа, с особенной охотой» отдающего своих ребят в земские школы.

Десятого января Илья Николаевич занемог и работал уже полулежа на диване в своем кабинете. На следующий день самочувствие его ухудшилось, и Мария Александровна пригласила врача М. В. Легкера, который констатировал обострение гастрита. Но она чувствовала неладное и хотела проконсультироваться у доктора медицины А. А. Кадыяна, но его не оказалось в городе. Дважды еще она посылала за Легкером, но он по-прежнему не видел ничего опасного, а утром 12-го даже заверял, что состояние здоровья больного улучшилось. Илья Николаевич в самом деле ходил по кабинету и со своим помощником и другом Владимиром Михайловичем Стржалковским читал и дополнял кое-что в годовом отчете.

О последующих часах этого дня Анна Ильинична вспоминала: «...отец не пришел к нам в столовую обедать, сославшись на отсутствие аппетита, а только подошел к двери и взглянул на нас. («Точно проститься приходил», — говорила позднее мать.) Лег в своем кабинете на диван, замесивший ему постель, а часу в пятом мать позвала в тревоге меня и Володю. Отец был, очевидно, уже в агонии: содрогнулся пару раз всем телом и затих. Приехавший

врач (Легкер.— Ж. Т.) определил кровоизлияние в мозг...»¹

Потерю любимого человека Мария Александровна переносила мучительно. Поседела она задолго до этого горя, во время тяжелой болезни, едва не стоившей ей жизни, и дети уже привыкли видеть мать не иначе, как с совершенно белыми волосами, прикрытыми черной наколкой. А теперь для нее стала повседневной траурная одежда.

Смерть и похороны Ильи Николаевича показали, какой популярностью и любовью пользовался он в Симбирске. Три дня нескончаемым потоком шли люди в дом Ульяновых, чтобы отдать дань уважения выдающемуся деятелю народного образования. Утром 15 января огромная процессия проводила гроб с телом Ильи Николаевича на кладбище Покровского монастыря. В некрологах, появившихся в «Симбирских губернских ведомостях», «Симбирской земской газете» и «Циркуляре по Казанскому учебному округу», особо подчеркивались выдающиеся заслуги Ильи Николаевича как просветителя. А в петербургском журнале «Новь» было сказано, что он наладил пачальное образование «как в Симбирске, так и в губернии едва ли не лучше, чем оно поставлено в других местностях России»².

Выражая мнение передовой общественности, председатель городской училищной комиссии А. И. Алатырцев 24 января 1886 года заявил на заседании Симбирской городской думы, что «педагогическая деятельность Ильи Николаевича Ульянова известна всей России» (выделено мной.— Ж. Т.), а потому дума должна достойно почтить его память.

В городской управе почти полтора месяца шла борьба

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 115.

² Новь, 1886, т. VIII, № 8, с. 393.

мнений, закоптившаяся репением «учредить на средства города в городском училище, которое устроено трудами и заботами покойного для беднейших учеников... три стипендии имени Ильи Николаевича Ульянова, для чего из средств города должно быть ассигновано одновременно 400 рублей». Однако большинство гласных думы, ведавших о взглядах губерпских да и столичных сановников на деятельность И. Н. Ульянова, ссылаясь на недостаток средств, решило ограничиться «выражением письменно вдове покойного соболезнования...»¹.

Эта непристойная возня, оскорблявшая память Ильи Николаевича, причиняла боль и усугубляла горе Марии Александровны. Однако теперь надо было думать о хлебе насущном для осиротевшей семьи. Уже 14 января Мария Александровна подала В. М. Стржалковскому, преемнику Ильи Николаевича, прошение с просьбой выхлопотать ей и четверым малолетним детям пенсию за многолетнюю службу мужа. Проходят томительные дни ожидания, а из округа — никаких известий о ходе пенсионного дела. Мария Александровна вынуждена сдать внаем половину дома. Появились небольшие средства. Теперь Анна смогла в марте выехать для продолжения занятий на Бестужевских курсах, а Александр — учиться в университете.

Безденежье заставляет Марию Александровну 17 апреля обратиться к попечителю учебного округа П. Н. Масленникову с напоминанием, что после кончины мужа она осталась «без всяких средств с четверыми малолетними детьми, воспитывающимися в гимназиях, и с двоими взрослыми, но обучающимися в высших учебных заведениях», а полагающейся пенсии все еще не получает. В ожидании пенсии Мария Александровна просит попечителя исхоратайствовать ей с детьми единовременное пособие.

¹ Журналы Симбирской городской думы за 1886 год. Симбирск, 1887, с. 29, 127, 128.

Письмо с подобной просьбой она послала и помощнику попечителя округа М. А. Малиновскому. Тот, учитывая, что в семье «никто из детей еще не пристроен», высказался за выдачу Ульяновым пособия в размере годового оклада Ильи Николаевича (1200 рублей). «Такое воспособие,— писал Малиновский,— им было бы весьма нужно для воспитания сирот, из коих старшему, выпущенному из Симбирской гимназии 2¹/₂ года тому назад и получившему недавно золотую медаль в С.-Петербургском университете за 3 курс... крайне трудно было бы докончить курс без такой помощи, которая могла бы быть исходатайствована в Министерстве из сумм на воспитание детей заслуженного педагога».

Криком души было письмо М. А. Ульяновой попечителю округа, отправленное 24 апреля. «Пенсия, к которой я с детьми моими представлена за службу покойного мужа моего, получитя, вероятно, не скоро, а между тем нужно жить, уплачивать деньги, запятые на погребение мужа, воспитывать детей, содержать в Петербурге дочь на педагогических курсах и сгаршего сына, который, кончив курс в Симбирской гимназии, получил золотую медаль и теперь находится в Петербургском университете, на 3-м курсе факультета естественных наук, занимается успешно и удостоен золотой медали за представленное им сочинение»¹. В память тридцатилетней службы Ильи Николаевича Мария Александровна еще раз просит «не отказать в возможно скорой помощи осиротелой семье его».

Попечитель побеспокоил своим ходатайством министра просвещения. Петербург 29 мая запросил сведения «о поведении и успехах в науках детей Ульяновых». Управление учебного округа переадресовало запрос дирекции на-

¹ Цит. по кн.: Иванский А. Молодой Ленин. М., 1964, с. 239.

родных училищ, а она — директору симбирской классической гимназии Ф. М. Керенскому.

Наконец стало известно, что министерство просвещения назначило пенсию Марии Александровне в 600 рублей и такую же сумму на четверых детей, то есть «всему семейству по одной тысяче двести рублей в год».

Мария Александровна стала подумывать об отъезде из Симбирска. В мае она предприняла попытку продать дом: давала объявления в губернской газете. Покупателя не нашлось, и пришлось остаться в городе еще на год.

Тем временем дело о единовременной денежной помощи продолжало кочевать по канцеляриям. Только в январе 1887 года было получено извещение о решении министра о выделении «в единовременное пособие на воспитание детей вдове директора народных училищ Симбирской губернии действительного статского советника Марии Ульяновой сто пятьдесят рублей».

3

Январские дни 1887 года — годовщину смерти мужа — Мария Александровна переживала тяжело. Но во второй половине февраля она, по словам знакомых, стала спокойнее и бодрее. Приближалась та желанная весна, когда Саша и Аня получают высшее, а Володя и Оля — среднее образование.

И вдруг пятого марта в Симбирск поступило ошеломляющее известие о том, что на Невском проспекте задержаны трое студентов университета с «разрывными снарядами»! Хотя не было сказано, на кого покушались молодые революционеры, но почти все горожане догадались, что речь идет о попытке цареубийства.

Мария Александровна знала, что в таких случаях власти совершают массовые обыски и аресты, и поэтому бес-

покойлась, как бы волна репрессий не коснулась и ее детей-студентов. К несчастью, опасения подтвердились уже через три дня. Племянница Марии Александровны Екатерина Ивановна Песковская через знакомую симбирскую учительницу В. В. Кашкадамову сообщила об аресте Александра и Анны.

Ознакомившись с письмом, Мария Александровна побледнела, но тут же справилась с собой и твердо сказала: «Я сегодня уеду...» Чтобы дети не оставались дома одни (няня Варвара Григорьевна гостила у родных в Пензенской губернии), она вызвала телеграммой из Казани свою сестру Анну Александровну Веретенникову.

Как только Владимир нашел возницу, Мария Александровна выехала в Сызрань, а оттуда — поездом на Москву. Это было 8 или 9 марта, а 14-го она уже подала в Петербурге прошение о свидании с сыном, содержавшимся в Петропавловской крепости.

Царь, тщательно следивший за ходом расследования дела 1 марта 1887 года и потерявший надежду получить какие-либо новые показания от Александра Ульянова, в конце концов согласился удовлетворить просьбу матери. «Мне кажется,— писал коронованный деспот директору департамента полиции П. Н. Дурново,— желательно дать ей свидание с сыном, чтобы она убедилась, что это за личность — ее милейший сынок, и показать ей показания ее сына, чтобы она видела, каких он убеждений»¹. Министр внутренних дел Д. А. Толстой, узнав об этой резолюции царя, дополнил ее иезуитским советом: «Нельзя ли,— писал он Дурново,— воспользоваться разрешенным государем Ульяновой свиданием с сыном, чтобы она уговорила его дать откровенные показания, в особенности о том, кто,

¹ Итенберг Б. С., Черняк А. Я. Жизнь Александра Ульянова. М., 1966, с. 141.

кроме студентов, устроил все это дело. Мне кажется, это могло бы удасться, если б подействовать поискуснее на мать»¹.

Ознакомившись с показаниями Саши на допросах, Мария Александровна поняла, что угрозы властей имеют серьезные основания. На первом допросе, 3 марта, он не дал показаний вообще. На следующий день, когда сыну были предъявлены признания одного из участников заговора, он признал свою принадлежность к «Народной воле», подтвердил, что приготавливал части снарядов, знал, кто и когда должен был совершить покушение. «Но сколько лиц должны были это сделать, кто эти лица, кто доставлял ко мне и кому я возвратил снаряды... я назвать не желаю». «Пять листков с выписками из журнальных статей о крестьянских беспорядках взяты мною для прочтения от лица, назвать которое я отказываюсь». «Не желаю» и «отказываюсь» так часто встречались в протоколах допросов Александра Ульянова, что царь вынужден был сделать пометку на одном из листов: «От него, я думаю, больше ничего не добьешься».

Самые страшные строки мать прочитала в протоколе последнего допроса, на котором сын заявил: «...мне, одному из первых, принадлежит мысль организовать террористическую группу, и я принимал самое деятельное участие в ее организации, в смысле доставания денег, подыскания людей, квартир и прочего. Что же касается до моего нравственного и интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, т. е. все то, которое дозволяли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений»². Эти слова вызывали потрясающее чувство ясности, в котором од-

¹ Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л., 1927, с. 336.

² Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреевского, В. Осипова и др. М., 1927, с. 373.

повременно сливалось понимание глубокой убежденности Александра в справедливости борьбы с деспотизмом, и самоотверженная решимость, с которой он отдал себя всего этой борьбе, и беспредельное мужество, с каким он отрешает себе все пути к помилованию.

Долгожданное свидание произошло первого апреля, с 10 до 12 часов, в день имении Марии Александровны, в присутствии представителя Петропавловской крепости. Анна Ильинична, со слов матери, рассказывала об этой встрече с сыном. Когда мать пришла к нему на первое свидание, он плакал и обнимал ее колени, прося простить его за причиненное им горе. Он говорил ей, что у него есть долг не только перед семьей, и, рисуя ей бесправное, задвленное положение родины, указывал, что долг каждого честного человека бороться за освобождение ее.

— Да, но эти средства так ужасны,— возразила мать.

— Что же делать, если других нет, мама,— ответил он¹.

Саша очень старался примирить мать с ожидавшей его участью, напоминал, утешая, что Владимир и Ольга кончают гимназии с золотыми медалями и будут ей опорой и утешением.

Убедившись, что Александр Ульянов и не думает о раскаянии, власти не разрешили Марии Александровне новых свиданий. Потрясенная горем, она в начале апреля едет на несколько дней в Симбирск, где уже почти месяц без нее жили четверо детей.

Неизвестно, что именно она рассказывала Владимиру и Ольге, другим близким о своих переживаниях и мытарствах в столице, о свиданиях с Сашей и Аней, как реагировали домашние и какие давали ей советы. Учительнице В. В. Кашкадамовой запомнились лишь слова Марии

¹ См.: Ульянова-Елизарова А. И., с. 168.

Александровны, что она хлопочет о смягчении наказания Саше и как величайшее счастье сочтет пожизненную каторгу. И ее заявление: «Я тогда уехала бы к нему, старшие дети уже большие, а младших я возьму с собой»¹.

Побыв несколько дней дома, Мария Александровна 10 апреля или на следующее утро отправляется на лошадях в Сызрань, а оттуда — в Петербург, чтобы поспеть к страшному дню 15 апреля — началу заседаний Особого присутствия правительствующего Сената.

Поистине непостижимо, где брались силы у Марии Александровны. Ведь за две недели она сумела обернуться из Петербурга в Симбирск и назад, проведя в общей сложности около десяти дней в дороге. А с 15 по 19 апреля она присутствует на заседаниях высшего суда империи (в зал допускались только ближайшие родственники подсудимых). Особое присутствие правительствующего Сената (подобранным окружением царя) единогласно вынесло смертный приговор Александру Ульянову и другим юным революционерам. Потрясенная, Мария Александровна на первом же после окончания судилища свидании, происходившем в доме предварительного заключения, как только могла убеждала и просила сына подать прошение о помиловании. Тот не соглашался, говоря, что «это было бы неискренне с его стороны, после того, что он делал, после того, что он говорил на суде».

Видя, как тяжело сыну слышать ее доводы о необходимости подачи просьбы о помиловании, Мария Александровна перестала больше настаивать на своем. М. Л. Песковскому², боявшемуся за ее рассудок, с большим трудом

¹ Александр Ильич Ульяпов и дело 1 марта 1887 г., с. 274—275.

² М. Л. Песковский — муж Е. И. Веретенниковой, племянницы М. А. Ульяновой, либеральный публицист.

удалось побудить Александра Ильича обратиться к царю с прошением о замене смертной казни «каким-либо иным наказанием». Однако в нем не было ни одной нотки раскаяния, а лишь просьба сохранить жизнь ради матери, «здоровье которой сильно пошатнулось в последние дни», и «малолетних братьев и сестер, которые, не имея отца, находят в ней единственную опору»¹.

Это был «не тот язык, который требовался раболепствующим клевретам самодержавия», — писала впоследствии Анна Ильинична. И это «прошение» не было даже показано царю.

И все же Мария Александровна надеялась на лучшее. По городу ходили слухи, что казни не будет. Сказать об этом сыну при последнем свидании в Петропавловской крепости она не могла, но, говоря словами Анны Ильиничны, желая перелить ему «часть своей надежды и бодрости на все предстоящие ему испытания, она раза два повторила ему на прощание: «Мужайся!»²

Массу волнений доставляли Марии Александровне хлопоты об Анне Ильиничне, продолжавшей томиться в заключении. Еще 16 марта директор департамента полиции в ответ на ее просьбу о выдаче дочери на поруки заявил, что та непричастна к делу о покушении и будет освобождена по окончании следствия. Увы, эти слова оказались ложью. 8 апреля стало известно, что по «высочайшему повелению» Анна Ульянова наказана пятилетней ссылкой в Восточную Сибирь. «Государственное преступление» ее состояло, по мнению прокурора, в том, что она «укрывала в своей квартире Анну Лейбович, находившуюся в сношениях с некоторыми соучастниками замысла» на жизнь императора.

¹ Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 346.

² Ульянова-Елизарова А. И., с. 172.

Вначале Мария Александровна просила о перенесении ссылки в Западную Сибирь и, как в свое время жены декабристов, сама была готова отправиться туда же. «Как ни разорительно распродать трудом нажитое имущество,— писала она в прошении,— но я не могу не отправиться с остальными моими детьми в Сибирь же, с единственной целью, чтобы дочь жила при мне». Впоследствии, когда выяснилось, что власти согласились пересмотреть место ссылки, Мария Александровна хлопочет, чтобы дочери назначили Верхнее или Среднее Поволжье. Об этом же просил в телеграмме на имя директора департамента полиции М. Т. Елизаров: «Умоляю выслать мою невесту Анну Ульянову в Симбирскую или Самарскую губернию...» Наконец об определении для себя «более благоприятной местности» ссылки ходатайствовала и Анна Ильинична.

30 апреля министр юстиции И. А. Манасеин (наверное, не без влияния профессора Н. С. Таганцева, к которому за помощью обращалась Мария Александровна) стал возможным подчинить А. И. Ульянову гласному надзору полиции на пять лет «в доме ее матери в г. Симбирске». Департамент полиции не согласился с определением министра, и Мария Александровна в начале мая ходатайствует перед Манасеиным об определении местом ссылки дочери Казани или Нижнего Повгорода. Жандармы опять воспротивились, и по их рекомендации царь разрешил Анне Ульяновой отбывать пятилетнюю ссылку в Кокушкине, но только в том случае, если будет получено письменное поручительство Л. А. Попомаревой или А. Л. Веретепниковой — родных сестер Марии Александровны.

Переписка шла, но Анна Ильинична по-прежнему находилась под стражей... Матвей Песковский подает новое прошение в департамент полиции, в котором заявляет, что жизнь М. А. Ульяновой «исполнением приговора над

сыном... висиг на волоске», и поэтому настаивает хотя бы на временном освобождении ее дочери ему на поруки.

Об исполнении страшного приговора Мария Александровна узнала из листка с правительственным сообщением, раздаваемого 9 мая прохожим на улице. «И как ни тяжела была ее рана,— подчеркивала Мария Ильинична,— которая не зажила до последних дней ее жизни, она нашла в себе силы скрыть от паходившейся в заключении Анны Ильиничны смерть Александра Ильича, прося и других не проговориться ей об этом, так как боялась, что известие это совсем сломит Анну»¹.

О происшедшей 8 мая казни Анне Ильиничне сообщил М. Л. Песковский. Он предупредил при этом, чтобы она все-таки сдерживалась при матери, старалась отвлекать от тяжелых мыслей, ибо замечал, что она иногда «заговаривается». Анна Ильинична старалась взять себя в руки, но, по собственному признанию, «и при этом печастии, как и при первом, потере отца, мать явилась опорой» ей, а не она матери. «Я убеждена,— продолжала она,— что только благодаря ее близости и поддержке перенесла я гибель брата».

Наконец, 11 мая власти выдали Анну Ильиничну на поруки М. Л. Песковскому, но только «до приведения в исполнение высочайшего повеления о высылке». К этому времени поступило официальное поручительство Л. А. Пономаревой, и 15 мая царь согласился назначить Кокушкино местом ссылки А. И. Ульяновой. Но хлопоты и заботы Марии Александровны на этом не кончились. Она просила департамент полиции о выдаче ей хотя бы некоторых вещей, фотографий и бумаг Александра Ильича, о разрешении Анне Ильиничне побыть в Симбирске до отъезда всей семьи в Казань и Кокушкино. Ходила в канцелярию

¹ Ульянова М. И., с. 310.

столичного градоначальника за документами, по которым дочь должна была следовать в ссылку.

Понадобилось несколько томительных дней, чтобы оформить все необходимые бумаги. И только 18 мая Мария Александровна и Анна выехали наконец поездом из Петербурга в Москву. Там предстояло сделать пересадку и добраться до Нижнего Новгорода, а затем уже на пароходе плыть до Симбирска.

Как там чувствуют себя Маняша и Митя? Как проходят выпускные экзамены у Володи и Оли? Удастся ли в установленный властями месячный срок продать дом? Эти и десятки других вопросов теперь выдвигались на первый план.

Мария Александровна и Анна прибыли в Симбирск вечером 22 мая. Владимир и Ольга избегали расспросов об ужасном недавнем прошлом, но мать невольно сама стала рассказывать о нем.

«Я удивилась,— с болью и вместе с тем с гордостью вспоминала она о защитительной речи сына,— как хорошо говорил Саша: так убедительно, так краспоречно. Я не думала, что он может говорить так. Но мне было так безумно тяжело слушать его, что я не могла досидеть до конца его речи и должна была выйти из зала»¹.

Навсегда остались в памяти последние просьбы Саши — принести ему томик стихов Г. Гейне, найти у товарищей журнал «Немецко-французский ежегодник» со статьями К. Маркса и возвратить его владельцу.

Но о чем бы она еще ни говорила — о хождениях ли по приемным сановников в связи с определением места ссылки Анне или с прошением о выдаче ей тюремных фотокарточек Саши,— все поражались той твердости, которую она проявляла в столь трудное время. Анна Ильинич-

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 168.

на вспоминала в связи с этим: «Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она выказала так много силы воли, что, скрывая по возможности свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, еще больше, чем прежде, о детях...

Эти заботы были так удивительны, пример, который она показывала детям, был так прекрасен, что и им хотелось еще больше, чем прежде, скрасить ей жизнь, облегчить ее горе».

И они сделали все, что было в их силах.

В конце мая Ольга закончила сдачу экзаменов. Она одна из 54 выпускниц мариинской гимназии получила на них высшие баллы и решением педагогической конференции была награждена золотой медалью.

Шестого июня сдал последний выпускной экзамен Владимир и тоже — один из класса — был удостоен золотой медали, шестой медали в семейной коллекции.

Мария Александровна была рада учебным успехам средней пары детей. Но особенно ее ободряло, что в трудную пору жизненных испытаний Владимир стал настоящим мужчиной. Он освободил ее от хождений по присутственным местам: сделал в городском полицейском управлении отметку в «Проходном свидетельстве» сестры Аппы, сдал объявление о продаже дома в редакцию «Симбирских губернских ведомостей», помогал в распродаже и упаковке имущества.

Прослышав о скором отъезде Ульяновых, к ним зачастили любопытные обыватели.

— Вот ведь у вас горе-то какое, — начинала какая-нибудь из пришедших кумушек. Но Мария Александровна строго прерывала разглагольствования сплетниц:

— Вам что угодно? Вы пришли что-нибудь купить?

Эти слова расхолаживали кумушек, и они уходили из дома Ульяновых, как говорится, несолоно хлебавши. Но

такие посещения с заглядыванием в глаза, по словам учительницы В. В. Капкадамовой, очень мучили Марию Александровну¹.

В середине июня нашелся наконец покупатель дома. Постепенно удалось распродать кое-что и из вещей. Рояль, правда, остался. 20-го числа истек разрешенный департаментом полиции срок пребывания Анны Ильиничны в Симбирске. Так как к этому времени не удалось завершить все дела, связанные с переездом в другой город, то Мария Александровна, как говорится, скрепя сердце вынуждена была отправить старшую дочь, далеко еще не оправившуюся от потери Саши, в назначенное место ссылки — Кокушкино. Чтобы Анна не чувствовала себя там слишком одинокой, вместе с ней вечерним рейсом парохода общества «Кавказ и Меркурий» уехали и младшие — тринадцатилетний Митя и девятилетняя Маняша.

Немало хлопот в эти дни было связано с получением сбережений семьи, положенных Ильей Николаевичем несколько лет назад в Симбирский городской общественный банк.

Мария Александровна, являвшаяся по закону попечительницей и опекуной своих несовершеннолетних детей, подала 18 июня 1887 года заявление в местную дворянскую опеку с просьбой разрешить ей получить всю сумму вклада — 2000 рублей. Опека признала ее пояснения о значительных расходах, предстоящих в связи с переездом в Казань, экипировкой и учебой Владимира и других детей достаточным основанием для удовлетворения прошения. Однако губернское правление, куда тоже поступило заявление М. А. Ульяновой, предложило снова обосновать необходимость выдачи ей всего капитала. Мария Александровна повторила перечень предстоящих основных рас-

¹ См.: И в а н с к и й А. Молодой Ленин, с. 318.

ходов и в конце добавила: «Кроме того, из получаемой пенсии на малолетних будет удерживаться казне долг в 60 руб. за полученный покойным ее мужем орден Св. Станислава I степени». Об ордене она вспомнила с горечью. Документы о награждении им по выслуге лет прибыли в Симбирск после кончины Ильи Николаевича. Мария Александровна, по словам симбирских властей, «не пожелала» получить орден. По этому поводу между Симбирском, Казанью и Петербургом шла многомесячная переписка, но все же капитул орденов настоял на взыскании из пенсии Ульяновых полагавшиеся за орден Станислава 150 рублей.

Но все доводы матери казненного революционера не ускорили окончания дела: Мария Александровна так и не получила в Симбирске трудовых сбережений мужа.

Во всех хлопотах, связанных с отъездом и оформлением документов, главным помощником был Владимир. 24 июня по ее поручению он получил в гимназии свидетельство об успехах и поведении брата за третий класс и его метрическое свидетельство.

Через два дня Ульяновы выехали в Казань. Тягостным было состояние Марии Александровны, когда пароход стал удаляться от города, где она прожила почти 18 лет, где покоится прах Ильи Николаевича. Переживали прощание с родным Симбирском Ольга и Владимир, но они, полные сил и энергии, уже больше думали о завтрашнем дне.

КАЗАНЬ (1887—1889)

Путь до Казани на пароходе, а затем на лошадях до Кокушкина Ульяновы преодолели за двое с небольшим суток: местный пристав 29 июня зарегистрировал их прибытие. Младшие резвились на воздухе, купались в Ушне. Мария Александровна иногда тоже ходила в лес или к реке, но тяжкие переживания, связанные с трагической гибелью старшего сына, не покидали ее. 20 июля письмом в департамент полиции она напомнила: «...было обещано... выдать некоторые вещи сына моего, Александра Ульянова, главным образом портрет его отца, серебряные часы и пиджак...»¹

Владимир уехал в Казань и подал на имя ректора университета прошение о своем желании поступить на юридический факультет². В середине августа, когда он был принят в число студентов, Мария Александровна с Ольгой и Дмитрием тоже переезжают в город.

Вначале Ульяновы сняли квартиру в доме Ростовой, на Первой горе (ул. Ульяновых, 24), в котором жила с семьей сестра Марии Александровны Любовь Александровна, а в конце октября переехали в только что отстроенный дом Соловьевой, на Ново-Комиссариатскую улицу (ул. Комлева, 15). Но и о более удобной квартире Ольга писала подруге А. Щербо: «Здесь ужасно холодно, а хозяйка только сегодня дала вставлять зимние рамы, мы

¹ Комсомольская правда, 1961, 23 апр.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 550.

мерзнем». И с горечью констатировала: «Уехав из Симбирска, мы превратились в каких-то кочевников: нигде не найдем себе места, и все время проходит в том, что мы укладываемся и раскладываемся»¹.

Бытовые неурядицы усугублялись моральными невзгодами. 10 сентября департамент полиции, словно издеваясь над горем матери, ответил ей, что оставшиеся после казни ее сына часы и плед проданы для покрытия судебных расходов. Правда, фотография была возвращена. Мария Александровна очень переживала за Анну, оставшуюся в Кокушкине с Маняшей, за Ольгу, которая не имела возможности учиться в высшем учебном заведении.

В сентябре мать послала Ольгу в Симбирск — получить золотую медаль Владимира и свое свидетельство об окончании гимназии, а также покрасить ограду на могиле отца. Медаль брата ей выдали, а свидетельство получить не удалось. Его вместе с ее медалью прислал в конце месяца А. В. Копстапов, работавший много лет в канцелярии Ильи Николаевича.

С понятным вниманием приглядывалась Мария Александровна, как записывается в университете и проводит внеучебные часы Владимир. На обязательные курсы лекций он записался и посещает их аккуратно. Штудирует дома необходимую литературу, находит время для внепрограмного чтения. Не было явных причин беспокоиться о круге его товарищей-студентов. И тем не менее Мария Александровна тревожилась за сына: с конца ноября под влиянием студенческих волнений в Москве стремительно пакалаьась обстановка и среди казанской учащейся молодежи, которая тоже готовилась выступить с протестом против нового реакционного устава. Мать понимала, что Владимир может оказаться в центре опасной борьбы.

¹ И в а п с к и й А. Молодой Ленин, с. 328.

Так оно и случилось. Несмотря на вынужденно данное при поступлении в университет «обязательство» «не состоять членом и не принимать участия в каких-либо сообществах», Владимир Ильич вступил в симбирское землячество. Студенты-симбирчане избрали его своим представителем в университетский совет землячеств. Вошел он и в революционный кружок Л. Богораза — А. Скворцова.

Непосредственным поводом к выступлению казанской молодежи стало известие о жестокой расправе правительства с участниками студенческих волнений в Москве 24—30 ноября 1887 года. На совещании руководителей землячеств при активном участии Владимира Ильича было решено провести сходку, чтобы выразить правительству протест против «разыгравшейся во всю ширь реакции»¹.

На сходку днем 4 декабря в актовом зале университета собралось более трехсот студентов. Вместе с прибывшими сюда студентами ветеринарного института они одобрили текст петиции и вручили ее ректору. Заявив о невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности, а также желая обратить внимание общества на эти условия, молодежь требовала: уничтожения сословности, всякого рода препятствий для поступления в учебные заведения, расширения университетской автономии, свободы деятельности студенческих организаций, права на сходки, возвращения исключенных студентов и наказания виновников расправы с московскими учащимися.

Только угроза губернатора применить стоявшие у стен университета войска вынудила студентов окончить четырехчасовую сходку. В знак протеста против насилия Владимир Ульянов в числе 99 человек бросил на стол свой входной студенческий билет, а вечером написал на имя

¹ Трофимов Ж. Великое начало. М., 1979, с. 228.

ректора прошение, в котором заявил, что «при настоящих условиях университетской жизни» не признает возможным продолжать образование и просит исключить из числа студентов¹.

В ночь на 5 декабря полицейские нагрянули в квартиру Ульяновых и арестовали Владимира Ильича. Мария Александровна на следующий же день стала хлопотать о нем, доказывая, что начальство относится к сыну чересчур строго только потому, что он брат казненного революционера. Но инспектор студентов охарактеризовал Владимира Ульянова как «одного из активнейших участников сходки, которого он видел в первых рядах, очень возбужденного, чуть ли не со сжатыми кулаками»². Власти имели и другие свидетельства его видной роли в подготовке и проведении сходки. Поэтому они действовали быстро и решительно: уже вечером 7 декабря Владимир Ильич в сопровождении полицейского был выдворен в Кокушкино, куда уехал вместе с Маняшей. Завершив неотложные дела, туда же через неделю переезжает и Мария Александровна с Ольгой, Дмитрием и няней Варварой Григорьевной.

Поселилась Мария Александровна с детьми во флигеле одной из хозяйничавших здесь ее сестер, очень холодном и неблагоустроенном. Месяца через полтора, когда жизнь более или менее наладилась, Ольга вернулась в Казань, чтобы возобновить занятия в музыкальной школе. Дмитрию, который оправился после болезни, тоже надо было ехать в город для продолжения учебы в четвертом классе гимназии, но он еще оставался в Кокушкине, и старший брат с успехом выполнял роль его учителя по всем предметам. Для Анны Ильиничны деревенская жизнь после

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 551.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1. М., 1968, с. 28.

гяжслых потрясений была скорее на пользу. Значительную часть дня она занималась подготовкой десятилетней Маняши к поступлению в гимназию. Зиму Ульяновы провели на хуторе почти в полном уединении, нарушаемом ежемесячными контрольными посещениями полицейского чиповника.

Мать и сестер с каждым месяцем все больше и больше беспокоило будущее Владимира, хотя и в Кокушкине он не терял времени даром. Перечитал почти все комплекты «Современника», «Русского слова», «Отечественных записок», «Вестника Европы» за 1860—1880-е годы, хранившиеся во флигеле, следил за периодикой, штудировал некоторые учебники университетского курса. Часы досуга он посвящал прогулкам по окрестностям, занятиям спортом, игре в шахматы. Однако было видно, что он тяготится неопределенностью, нуждается в общении с близкой себе по духу студенческой молодежью. Анна Ильинична писала в связи с этим 20 апреля 1888 года подруге: «Очень беспокоит нас судьба Володи... Как быть, если его куда-нибудь примут, или, если примут, выгонят через полгода... Разумнее бы, конечно, подождать года два, по это ему совсем не по характеру — скучает он без дела...»¹

Вскоре этим колебаниям был положен конец. 9 мая Владимир Ильич подает прошение на имя министра народного просвещения о желании вновь поступить в Казанский университет². Мария Александровна, понимая, что решение вопроса зависит от директора департамента полиции, в тот же день послала ему прошение, в котором просила оказать «содействие», то есть не препятствовать возвращению сына в университет³.

¹ Цит. по кп.: Волин Б. М. Ленин в Поволжье. М., 1956, с. 70.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 552.

³ См.: Москва, 1958, № 4, с. 45.

Через два месяца полиция вручила Владимиру Ильичу ответ из министерства народного просвещения на его прошение: «Г. Министр изволил изложенное ходатайство просителя отклонить»¹.

Департамент полиции молчал, и 15 июля Мария Александровна направила его директору более краткое, но настойчивое прошение: «Желая по различным семейным обстоятельствам, чтобы сын мой Владимир имел возможность окончить свое образование, находясь при мне, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить ему поступление в Казанский университет»².

12 августа П. Н. Дурново через казанского губернатора сообщил Марии Александровне, что принятие сына ее «обратно в Казанский университет представляется... преждевременным»³. Но и этот отказ не обескуражил Марию Александровну. 31 августа, воспользовавшись пребыванием в Казани министра просвещения И. Д. Делянова, она вручила ему прошение, в котором с болью писала: «...сын единственная опора моей старости и трех меньших детей, оставшихся сиротами после смерти их отца, прослужившего 30 лет по М-тву народного образования... Если найдете неудобным позволить сыну моему Владимиру поступить в Казанский университет, то разрешите ему поступление в один из Российских университетов: Московский, Киевский, Харьковский или Дерптский»⁴.

Да, она была готова отпустить сына в один из далеких и незнакомых городов, согласна жить на три семьи и метаться из одного края империи в другой. Но министр Де-

¹ Москва, 1958, № 4, с. 47.

² Там же.

³ Там же, с. 48.

⁴ Там же, с. 49.

лянов уже 1 сентября наложил на прошение Марии Александровны резолюцию: «Ничего не может быть сделано в пользу Ульянова»¹. Тогда Владимир Ильич 6 сентября послал прошение министру внутренних дел: «Для добывания средств к существованию и поддержания семьи я имею настоятельную надобность в получении высшего образования, а потому, не имея возможности получить его в России, имею честь просить Ваше Сиятельство разрешить мне отъезд за границу для поступления в заграничный университет»². Это прошение имело оттенок обвинения правительства в жестокости по отношению к участникам мирной студенческой ссоры и, разумеется, было отклонено. Но усилия Ульяновых и других жертв реакции сыграли немалую роль в том, что к осени 1888 года департамент полиции издал циркуляр, разрешавший исключенным студентам вернуться в университетские города, если там живут их родственники.

Первой приехала в Казань Мария Александровна, чтобы подыскать квартиру. Это было не так-то легко, о чем говорят строки из письма Ольги от 2 сентября 1888 года подруге А. Щербо в Симбирск: «Пишу тебе это письмо «на досуге», сидя в пустой квартире, где нет никого и ничего, кроме стола и стульев, принесенных дворником. Мы с мамой обошли всю Казань, остановились было на этой квартире, да оказалось, что она сырая, и мы на ней не останемся. Беда с этими квартирами!.. Сейчас вернулась мама — наняла квартиру: «Первая гора, д. Орлова. Пришли мне письмо на новоселье...»³

Через неделю вернулся из ссылки Владимир, а в октябре, по ходатайству матери, и Анна получила разреше-

¹ Москва, 1958, № 4, с. 40.

² Там же, с. 50.

³ Цит. по кн.: И в а н с к и й А. Молодой Ленин, с. 444.

ние жить в Казани целых четыре месяца для лечения «от нервной болезни»¹.

Владимир выбрал себе одну из двух кухонь, находившихся на первом этаже и имевшую черный ход: она была уединеннее и удобнее для занятий, чем комнаты верхнего этажа, где разместились остальные члены семьи. Трижды в день, как когда-то в Симбирске, все собирались в гостиной. Здесь младшие готовили уроки или играли, взрослые читали вслух журнальные новинки. Вновь зазвучал рояль.

Владимир Ильич в это время изучал первый том «Капитала» Маркса, другую социально-экономическую литературу. Естественно, что он нашел революционно настроенных сторонников из молодежи. «Вследствие особого поднадзорного положения нашей семьи, знакомые эти почти не ходили к нам, а уходил обыкновенно Володя на квартиры, где они собирались» — это свидетельство Анны Ильиничны. И она же пояснила главную причину осторожного поведения брата в эти месяцы: «из внимания к матери»². Но к середине зимы деятельность федосеевского кружка, который посещал Владимир Ильич, стала энергичнее, и он чаще отлучался по вечерам. Это не могло не встревожить мать, которая имела основания полагать, что за ним ведется полицейское наблюдение и что он «влетит» опять...»³.

В это время в жизнь Анны Ильиничны прочно вошел Марк Тимофеевич Елизаров. И не случайно. В годы учения в Петербургском университете он был близок с Александром Ульяновым, вместе с ним и Анпой Ильиничной принимал активное участие в деятельности запрещенного симбирско-самарского землячества, в знаменитой Добро-

¹ Вопросы истории КПСС, 1960, № 6, с. 171.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 30.

³ Молодая гвардия, 1924, № 2—3, с. 27.

любовской демонстрации 17 ноября 1886 года. При аресте Александра Ильича в его записной книжке жандармы нашли фамилию и М. Т. Елизарова. Он попал за решетку, но вскоре был выпущен на свободу с обязательством выехать на родину в Самарскую губернию. Как жених Анны Ильиничны он в апреле 1887 года просил директора департамента полиции о высылке невесты в Симбирскую или Самарскую губернии. Этого же добивалась тогда и Мария Александровна, ссылаясь на местожительство жениха дочери.

Марк Тимофеевич, служивший в 1887 году в Самаре, навещал Анну Ильиничну в Кокушкине и Казани. Он сыграл немаловажную роль и в том, что Ульяновы решили приобрести в деревне Алакаевке, находившейся в 50 верстах от Самары, земельный участок, дом и мельницу. Покупку эту по их доверенности Марк Тимофеевич оформил в конце января 1889 года, а уже 28 февраля Мария Александровна возбудила перед департаментом полиции ходатайство о разрешении старшей дочери пересхать вместе с ней в Алакаевку. 11 марта департамент ответил согласием¹.

До переезда в Самару была предпринята еще одна попытка решить вопрос об учебе Владимира Ильича в высшем учебном заведении, ведь на новом месте власти откажутся выдать свидетельство о его политической благонадежности. А без него нельзя поступить в университет или выехать за границу. Но так как и казанские власти отказались сделать это, Владимир Ильич проходит освидетельствование врачей и 29 апреля получает медицинское заключение, удостоверявшее болезнь желудка и recommending лечение «щелочными водами и всего лучше Vichy (Франция)»². С этим документом он обращается

¹ См.: Красный архив, 1935, т. 6, с. 16.

² Москва, 1958, № 4, с. 59.

к казанскому губернатору и просит выдать ему паспорт на выезд за границу для лечения. Губернатор был, как говорится, в курсе дела и написал на прошении резолюцию: «Я полагал бы отклонить, так как может ехать на Кавказ (Ессентуки, № 17)»¹. В донесении же министру внутренних дел он пояснил мотив отказа в выдаче просителю заграничного паспорта: «Ульянов есть родной брат состоящей под гласным надзором полиции Анны Ульяновой, за время проживания в Казани хотя к делам политического характера не привлекался, но аттестуется личностью вредного направления в политическом отношении»².

В разгар этой переписки между сановниками Казани и Петербурга 3 мая 1889 года Ульяновы, за исключением Дмитрия, у которого учебный год еще не закончился, отплыли на волжском пароходе в Самару, где их с нетерпением ждал М. Т. Елизаров.

¹ Москва, 1958, № 4, с. 60.

² Красный архив, 1934, т. 62, с. 68—69.

САМАРА (1889—1893)

Алакаевка представляла собой небольшой хуторок, расположенный на восток от Самары, в степной местности. Невдалеке от ветхого одноэтажного деревянного дома Ульяновых был старый запущенный сад и ручей с обрывистыми берегами.

В саду у каждого было свое любимое место. Ольга обычно устраивалась около высокого старого клена. Анна больше любила березовую аллею. «В северо-западном углу сада был «Володин уголок», — вспоминал Дмитрий Ильич, — деревянный столик и скамья, укрепленные в земле; этот уголок был весь в зелени, и солнце почти не заглядывало туда. Около столика Володя очень скоро протоптал дорожку в 10—15 шагов, по которой часто ходил, обдумывая прочитанное. Обычно около девяти часов утра он приходил сюда с книгами и тетрадями и работал до двух часов без перерыва»¹.

В часы досуга Ульяновы ходили купаться на пруд, паходившийся в десяти минутах ходьбы. В окрестных лесах собирали дикую малину, грибы. Но, пожалуй, главными достоинствами алакаевского хутора были чудесный степной воздух и тишина.

По вечерам Мария Александровна со всей семьей устраивалась на крытом крыльце вокруг большой лампы. Типичную картину этих вечерних собраний Анна Ильинична запечатлела в своем стихотворении:

¹ Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 43.

Почь давно уж, все-то дремлет,
Все кругом молчит.
Мрак ночной поля объемлет,
И деревня спит.
Под покровом темной тучки
Спряталась луна.
Нет и звездочек, порой лишь
Чуть блеснет одна.
В хуторке лишь на крылечке
Светит огонек,
И за чтением серьезный
Собрался кружок.
Все сидят, уткнувшись в книги,
Строго все молчат,
Хоть Манюшины глазенки
Больно спать хотят¹.

Да, Алакаевка была хороша для отдыха и самообразования. Но надежда Марии Александровны на то, что здесь старший сын заинтересуется сельским хозяйством, не сбылась. Впоследствии Владимир Ильич говорил Надежде Константиновне: «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался. Я начал было, да вижу, нелзя, отношения с крестьянами ненормальные становятся»².

16 августа у младших начинался учебный год, да и дом в Алакаевке не был приспособлен для зимнего жилья. Поэтому вскоре после долгожданного радостного события — бракосочетания Анны Ильиничны и Марка Тимофеевича, состоявшегося 28 июля, — Мария Александровна готовит семью к переезду в Самару. Однако, несмотря на то, что Марк Тимофеевич проживал в губернском городе, Анне Ильиничне требовалось получить санкцию министерства внутренних дел на выезд с хутора. После двух столкновений с уездным исправником, сопровождавшихся для нее денежными штрафами за «отлучки» из Алакаевки,

¹ Ульянова М. И., с. 35—36.

² Там же, с. 34—35.

власти все же разрешили ей отбывать ссылку вместе с родными в Самаре.

Первыми переехали в город Анна Ильинична с Дмитрием, учеником пятого класса, и Маняшей, ученицей второго класса гимназии, и поселились в квартире Марка Тимофеевича, помещавшейся в доме мещанина Шорина на Дворянской улице (Куйбышевская ул., 7). Пятого сентября сюда перебралась и Мария Александровна с Владимиром и Ольгой. 21-го числа Ульяновы вместе с зятем и его племянником Евгением сняли квартиру в деревянном доме Кулагина на Полицейской площади (пл. Степана Разина), недалеко от реки Самарки. Но шум и сутолока расположенного рядом базара мешали работе и отдыху, к тому же в квартире была сырость. Поэтому уже 10 октября Ульяновы и Елизаровы снова переселились — в каменный дом Каткова на Воскресенской улице (ул. Пионерская, 6), рядом с «Самарской газетой», около Волжской набережной¹.

Все эти переезды Ульяновых фиксировались в секретных полицейских рапортах и донесениях директора мужской гимназии на имя попечителя Казанского учебного округа. Наряду со скрытой слежкой применялся и открытый надзор. Его осуществлял исполняющий обязанности инспектора гимназии П. П. Кочкин. Трижды в месяц он приходил в квартиру Ульяновых и тщательным образом осматривал комнату Дмитрия и Евгения Елизарова. Если кого-нибудь из них не было дома, то он допытывался, куда именно ушли его подопечные. Инспектор особенно интересовался кругом чтения подростков, регулярностью посещения ими церкви, их знакомыми.

Мария Александровна презирала этого чиповника, рья-

¹ См.: В. И. Ленин и Самара. Сб. документов и материалов. Куйбышев, 1966, с. 238.

но исполнявшего функции сыщика. Директор гимназии рапортовал в Казань в отчете за октябрь 1889 года: «В истекшем месяце г. и. о. инспектора не пришлось видаться и беседовать с матерью (Марией Александровной.— *Ж. Т.*): сама она не считала нужным при его посещении выходить из своих покоев в ту комнату, где помещаются воспитанники, а г. Кочкин находил неудобным назойливо беспокоить мать, не имея ничего сообщить о сыне.

С старшим сыном (Владимиром.— *Ж. Т.*) г. Кочкин имел случай видаться в приемной, но они ничего друг другу не сказали, а обменялись одними поклонами и взглядами»¹.

Сам же Владимир в первый период проживания в Самаре старался не давать властям каких-либо конкретных поводов к новым обвинениям в политической неблагонадежности. Дело в том, что в июле жандармы Казани напали на след марксистских кружков и арестовали их организатора Н. Е. Федосеева. С огорчением узнав об этом, Владимир Ильич признался сестре Анне, что сам «влетел бы, вероятно, также», так как состоял в одном из его кружков².

В дознании же участвовала и охранка Самары.

С осени 1889 года Мария Александровна вновь настойчиво добивается для сына права на продолжение высшего образования. Она обращается к казанскому профессору Н. И. Ильминскому, который хорошо знал ее покойного мужа, с просьбой оказать помощь в поступлении Владимира в университет или в получении разрешения на сдачу им экзаменов экстерном. Ходатайство профессора, имевшего влиятельных знакомых в Петербурге, не дало резуль-

¹ В. И. Леппи и Самара, с. 239.

² См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 31.

татов. Тогда Ульяновы предпринимают следующую попытку: 28 октября Владимир Ильич направляет министру народного просвещения прошение о разрешении «держат экзамен на кандидата юридических наук экстерном при каком-либо высшем учебном заведении»¹. Министерство просвещения запросило мнение департамента полиции, а тот ответил, что «во время жительства в Казани Ульянов замечался в сношениях с лицами политически неблагонадежными, из коих некоторые привлечены ныне к дознанию по обвинению в государственном преступлении»². В декабре прошение отклонили. Было от чего отчаяться. Владимир Ильич, по его словам, «имел полную возможность убедиться в громадной трудности, если не в невозможности, найти занятие человеку, не получившему специального образования»³. Попытка через объявления в «Самарской газете» найти частные уроки не увенчалась успехом: ведь и репетитору требовалось иметь репутацию политически благонадежного человека. Мать чувствовала, как эти неудачи угнетающе действовали на сына, ведь он считал своим долгом материально поддерживать ее и малолетних брата и сестру.

Трудности жизни семейства Ульяновых и Елизаровых усугублялись квартирными неудобствами. В мае 1890 года они вновь перекочевали — в дом купца Рытикова, находившийся на углу Почтовой и Сокольничьей улиц (угол Лепинской и Рабочей) — на восточной окраине Самары.

Едва устроившись на новой квартире, Мария Александровна едет в Петербург с твердой решимостью добиться личной встречи с министром просвещения по делу Владимира. В прошении, которое она вручила министру 17

¹ Лепин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 554.

² Там же, с. 600.

³ Там же, с. 554.

мая, говорилось: «Мучительно больно смотреть на сына, как бесплодно уходят самые лучшие его годы для высшего образования. Не будучи в состоянии переносить этой нравственной боли, я и утруждаю Ваше Сиятельство покорнейшею просьбой разрешить сыну моему поступить в какой-либо из русских университетов или, в крайнем случае, допустить его держать выпускной университетский экзамен по юридическому факультету, т. е. на степень кандидата. Я тем настойчивее прошу Ваше Сиятельство снять с моего сына так долго лежащую на нем кару, что кара эта, вообще, не позволяет ему, как человеку, принадлежащему к кругу исключительно интеллектуальных работников, найти какое бы то ни было даже частное занятие, не позволяет, значит, ни к чему приложить сил. Такое бесцельное существование, без всякого дела, не может не оказывать самого пагубного нравственного влияния на молодого человека, — почти неизбежно должно наталкивать его на мысль даже о самоубийстве»¹. Драматический тон, которым было окрашено прошение, возымел действие. Министерство, словно устыдившись трехлетнего преследования В. Ульянова, разрешило ему сдавать экзамены в одном из университетов России.

Во время пребывания в Петербурге Мария Александровна заботилась и об Олиной судьбе. Дочь уже два года готовилась к поступлению в высшее учебное заведение. Она мечтала стать врачом. Но так как в русские университеты девушек не принимали, то она наметила медицинский факультет Гельсингфорсского. Марию Александровну не могли не беспокоить предстоящие сложности для дочери: предварительное изучение шведского языка, затем жизнь в незнакомой Финляндии, в отрыве от родных. Ольга все это понимала, но надеялась, что ее отпустят.

¹ Красная летопись, 1924, № 2, с. 35.

В письме к подруге А. Щербо она писала: «Я говорила уже об этом с мамой, и хотя она приводила многие возражения, но я знаю, что она так добра, что ни в чем мне не откажет...»¹ Да, мать поняла дочь, но появилось новое препятствие: оказалось, что, кроме шведского языка, который она уже освоила, для поступления нужен еще и финский. Ольга решает ехать на Бестужевские курсы в Петербург, на физико-математический факультет. Теперь в Петербурге Марии Александровне нужно было уточнить правила приема на курсы и договориться с племянницей Е. Песковской, чтобы та приютила Олю на первых порах у себя.

Утомленная поездкой, но довольная ее результатами, Мария Александровна в конце мая возвращается в Самару. При обсуждении на семейном совете планов на ближайшее будущее решили, что Владимир будет сдавать экзамены в Петербурге. Мать надеялась, что вместе с Ольгой им будет легче, а ей — спокойнее.

12 июня Володя пишет прошение министру просвещения, в котором заявляет о своем желании «держаться в качестве экстерна окончательные по предметам юридического факультета экзамены» в испытательной комиссии при Петербургском университете². На этом прошении в середине июля появились две резолюции. Первая гласила: «...Пусть лучше держит в Казани». Вторая предлагала заявителю обратиться со своею просьбою в испытательную комиссию Петербургского университета³. Вскоре Мария Александровна получила извещение, что департамент полиции не возражает против продолжения ее сыном Влади-

¹ Цит. по кн.: Ковпатор Р. Ольга Ульянова. М., 1979, с. 63.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 555.

³ См. там же, с. 601.

миром «прерванного образования в одном из университетов империи»¹.

Оставшуюся часть лета Ульяновы провели в Алакаевке, где молодежь занималась напряженной умственной работой. Общий деловой настрой благотворно действовал на Анну Ильиничну — она стала спокойнее и работоспособнее. В поисках заработка принялась за перевод романа итальянской писательницы Нехры «Завтра». Труд увенчался успехом: 22 июня 1890 года в «Самарской газете» появились, правда, без подписи, первые главы перевода. Продолжение романа публиковалось в двух десятках номеров газеты. Этим же летом улучшилось и положение Марка Тимофеевича. В течение трех лет он безуспешно пытался устроиться на службу, и только теперь удалось получить место помощника делопроизводителя Самарского управления государственных имуществ.

Марию Александровну радовало, что Митя, несмотря на болезнь, учебу на новом месте и предвзятое к нему отношение гимназического начальства, благополучно перешел в шестой класс, а Маняша, которую Ольга подготовила сразу к поступлению во второй класс, стала уже третьеклассницей. Словом, жизнь как будто бы налаживалась, и ничто не предвещало новых невзгод. Только грустно было матери расставаться со средней парой детей, отправлявшейся в Петербург. В начале августа проводили Ольгу — так далеко и надолго. С ней можно не увидеться до весны. Владимир уехал в конце августа, но только на два-три месяца — переговорить с испытательной комиссией, познакомиться с предметными программами, запастись литературой, позаниматься в библиотеках.

Из писем Ольги, да и из рассказов Владимира, вернувшегося в Самару в конце октября, мать видела, что про-

¹ В. И. Ленин и Самара, с. 251.

граммой курсов дочь овладевает без особых затруднений, находит она время для чтения и переводов с английского и шведского, занятий музыкой. Ольга аккуратно выполняла просьбы родных о покупке книг, ходила по редакциям с рукописями Анны и в библиотеки с реестриками Владимира. Почти все ее письма оптимистичны. И лишь изредка в ответ на те или иные беспокойные вопросы матери Ольга писала о наболевшем: учение на курсах и проживание в интернате дорого обходится или: «целую зиму не видишься с вами», признание, что хочется видеть своих родных «не только в праздники, но и в будни»¹. И какой любовью к родным наполнен был каждый вопрос о новостях в их жизни. «Как вы поживаете, дорогая мамурочка? — интересовалась Ольга в письме от 10 февраля 1891 года. — Читает ли тебе кто-нибудь по вечерам? Что делает в свободное время Марусеночка?»²

В последних числах марта для сдачи экзаменов за два курса университета в Петербург приехал Владимир. Ольга навещает брата в квартире на Тучковой набережной, где он остановился, а тот в свою очередь не раз заходил в ее общежитие. Стараясь рассеять опасения матери, что организм Владимира может не выдержать напряженной экзаменационной сессии, Ольга в полушутливой форме, но с нескрываемой гордостью за брата сообщала в письме от 8 апреля: «Мне кажется, дорогая мамочка, что ты напрасно беспокоишься, что он надорвет здоровье. Во-первых, Володя олицетворенное благоразумие, а во-вторых, экзамены оказываются очень легкими. Он уже сдал 2 предмета и из обоих получил по 5. В субботу (экзамен у него был в пятницу) он отдыхал: утром ходил на Невский,

¹ Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900). М., 1981, с. 50, 51.

² Там же, с. 57.

а после обеда пришел ко мне, и мы ходили с ним гулять по набережной Невы — смотрели на ледоход; затем он отправился к П-ским (Песковским. — Ж. Т.).

Ночей не спать он не будет, так как это совершенно лишнее: все равно голова не может работать в течение 24 часов, так что отдых необходим. Обедать он ходит каждый день, — следовательно прогуливается¹.

В этом же письме Ольга обрадовала мать, что ровно через месяц выедет в Самару. Но, увы, она вскоре заболела. Когда выяснилось, что это брюшной тиф, Владимир поместил сестру в Александровскую больницу, часто навещал ее. Болезнь оказалась серьезной, и он вынужден был дать матери телеграмму: «Олей брюшной тиф, лежит в больнице, уход хорош, доктор надеется на благополучный исход»². К несчастью, тиф осложнился рождистым воспалением, и в начале мая пришлось дать тревожную телеграмму: «Оле хуже. Не лучше ли маме ехать завтра»³.

Мария Александровна немедленно выехала, но спасти дочь не удалось: переутомленный организм не выдержал, и Оля скончалась на ее руках. 8 мая — в день четырехлетней годовщины казни Александра. Новое горе обрушилось на мать. Через два дня Мария Александровна и Владимир Ильич похоронили на Волковом кладбище бесконечно дорогого им человека. Подруга Ольги З. И. Невзорова-Кржижановская вспоминала: «Я осторожно вела под руку мать Оли, Марию Александровну Ульянову, с другой стороны ее поддерживал Владимир Ильич. Она шла молча, прямая, тонкая, хрупкая, с слегка закинутой назад головой и лишь изредка из-под полуопущенных глаз скатывались скупые слезинки. У меня сердце разрывалось

¹ Ленин — Крупская — Ульяповы, с. 69.

² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1. М., 1970, с. 57.

³ Там же, с. 57.

от жалости. Невыносимо было хоронить Олю, чудесную 19-летнюю девушку, умницу, только что развертывавшую свои блестящие способности, милого товарища, так нелепо погибшего. Невыносимо было видеть ее мать, молчаливо идущую за ее гробом... А она шла тихая, молчаливая, натянутая как струна, крепко сжав губы»¹.

В самую тяжелую, первую неделю рядом с матерью был Владимир. Он прекрасно понимал, что мать сильно страдала. Сознавая, что после потери Ольги только одно могло несколько облегчить ее горе — близость к ней остальных детей, он отказался от намерения переехать в Петербург и остался еще на два года дома, в Самаре².

Лето Ульяновы провели в Алакаевке, а незадолго до нового учебного года у младших детей возвратились в город. В начале сентября Владимир едет в Петербург для сдачи экзаменов за третий и четвертый курсы университета. Как и весной, он получил по всем предметам «весьма удовлетворительно», то есть отличные оценки, завоевав право на диплом первой степени. Из 33 экзаменовавшихся вместе с ним 27 получили дипломы, из них девять — первой степени. Но только Владимир Ульянов имел по всем предметам высшие баллы³. Не дожидаясь официального присуждения диплома, Владимир торопится к родным в Самару.

Мария Александровна имела все основания гордиться выдающимся успехом сына. «Тогда многие удивлялись, — вспоминала Анна Ильинична, — что, будучи исключенным из университета, он в какой-нибудь год без всякой посторонней помощи, не сдавая никаких курсовых и полукурсовых испытаний, подготовился так хорошо, что сдал вместе

¹ Цит. по кн.: Ковнатор Р. Ольга Ульянова, с. 132.

² См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 38.

³ См.: Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969, с. 68.

со своим курсом (имеется в виду курс, на котором он учился в 1887 году в Казанском университете.— Ж. Т.). Кроме прекрасных способностей, Владимиру Ильичу помогла в этом большая трудоспособность¹.

Однако и родные не в полной мере представляли громадность той умственной работы, которую проделал Владимир. Глубоко изучив «Капитал» К. Маркса и другие труды основоположников научного социализма, он овладел и богатейшим материалом по приложению марксизма к российской действительности — статистическими исследованиями развития промышленности и земледелия в пореформенной России. На основе этих первоисточников он самостоятельно пришел к выводу об утопичности народнической и народофильских теорий, к убеждению о неизбежности развития социал-демократического движения в стране.

«Но в самарский период,— подчеркивала Анна Ильинична,— Владимир Ильич прошел не только теоретическую школу»². Как в Алакаевке, так и в других селах, где довелось бывать с М. Т. Елизаровым, он в буквальном смысле своими глазами убедился в развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве, разложении крестьянской общины, росте армии сельских пролетариев. В Самаре Владимир Ильич, умевший «брать отовсюду все лучшее», во время общения с А. И. Ливановым и другими народофилами «впитывал от них революционные навыки, с интересом выслушивал и запоминал рассказы о приемах революционной борьбы, о методах конспирации, об условиях тюремного сидения, о сношениях оттуда; слушал рассказы о процессах народников и народофильцев»³. Вме-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленин, т. 1, с. 32.

² Там же, с. 35.

³ Там же, с. 34.

сте с тем он резко критиковал Н. К. Михайловского, других столпов народничества. Словом, как по уровню теоретической подготовки, так и по опыту нелегальной деятельности Владимир Ульянов был уже признанным лидером самарских марксистов.

В начале 1892 года Владимир обратился к присяжному поверенному Самарского окружного суда А. Н. Хардину с просьбой взять его работать помощником, то есть адвокатом. Хардин, видный юрист и прогрессивный общественный деятель, знал его как партнера по шахматам и аккуратного читателя своей библиотеки, ценил его честность, видел в нем способного юриста и поэтому подал рапорт в окружной суд с просьбой зачислить Ульянова своим помощником. Общее собрание суда 30 января определяет Владимира Ульянова помощником А. Н. Хардина, через месяц выдает свидетельство на право быть поверенным, и уже 5 марта новый адвокат успешно защищает в суде крестьянина В. Ф. Муленкова, обвинявшегося в «богохульстве» и оскорблении «государя императора и его наследника»¹. Всего ему довелось защищать в окружном суде 20 подсудимых, главным образом крестьян-бедняков и ремесленников. Насколько высоко ценил А. Н. Хардин своего помощника, видно из приписки, которую он адресовал Владимиру Ильичу при передаче одного из судебных дел: «Все, что Вы по сей доверенности законно учините, я Вам верю, спорить и прекословить не буду».

Летом Мария Александровна еще раз убедилась, насколько принципиален ее сын в борьбе против любых проявлений произвола. Как-то ему и Марку Тимофеевичу понадобилось переехать через Волгу у села Батраки, под Сызранью. Они наняли частную лодку и поплыли с пра-

¹ Владимир Ильич Лешин. Биографическая хроника, т. 1, с. 64.

вого берега на левый, но содержатель перевоза купец А. Н. Арефьев, претендовавший на монополию перевоза, послал за ними паровичок, который задержал лодку и пригнал ее назад к берегу. Владимир Ильич, глубоко возмущенный этим самоуправством, обратился к земскому начальнику 2-го участка Сызранского уезда А. Д. Ребровскому с жалобой, требуя привлечь купца к ответственности.

Дело быстро получило широкую огласку. Уже 4 июня казанский «Волжский вестник» осудил действия Арефьева. А 15 июня в камере Ребровского состоялось первое заседание. Купец-самодур не явился, а его интересы представлял адвокат, который «всяческими способами и изворотами старался выгородить своего клиента». Ему удалось добиться отсрочки разбора дела до 25 сентября. И Владимиру Ильичу в этот день надо было снова ехать из Самары в Сызрань. Дмитрий Ильич вспоминал в связи с этим: «Поезд отходил что-то очень рано утром или даже ночью; предстояла бессонная ночь, скучнейшие ожидания в камере земского начальщика, на вокзалах и т. д. Хорошо помню, как мать всячески уговаривала брата не ехать.

— Брось ты этого купца, они опять отложат дело, и ты напрасно проездишь, только мучить себя будешь. Кроме того, имей в виду, они там злы на тебя.

— Нет, раз уж начал дело, должен довести его до конца. На этот раз им не удастся еще оттягивать.

И он стал успокаивать мать»¹.

Владимир Ильич поехал за сто верст. Арефьев и его адвокат, поняв, что дело проиграно, не явились. Тогда Ребровский в соответствии с требованиями потерпевшего-обвинителя закончил разбирательство, постановив «выдер-

¹ Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 52.

жать самарского купца Александра Николаевича Арёфьева под арестом один месяц...»¹. Значимость трудной победы Владимира Ильича станет яснее, если учесть, что Арёфьев долгие годы самоуправничал на перевозе, и его не смогли серьезно наказать власти Симбирской и Самарской губерний.

Многое свидетельствовало о том, что Владимир Ильич юриспруденцией овладел вполне успешно. Но адвокатская практика не стала делом жизни. Как справедливо подчеркивала Анна Ильинична, его «главная энергия и силы были направлены на изучение марксизма, русской действительности и на подготовку к революционной работе»². В Самаре он перевел с немецкого на русский язык «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, написал реферат о книге К. Маркса «Нищета философии» и статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». В 1892 году Владимир Ильич создает первый в Самаре кружок марксистов. Через М. Т. Елизарова устанавливает связи с жившими в Сызрани В. А. Ионовым и А. И. Ерамасовым. Завязал он и переписку с находившимся во Владимире Н. Е. Федосеевым.

К началу 1893 года Владимир Ильич был подготовлен для выхода на широкую арену революционной борьбы. Он твердо решил, что осенью, после поступления брата Дмитрия в университет, поселится в Петербурге. Мария Александровна, ставшаяся, по словам старшей дочери, «по мере возможности, не омрачать их (детей.— Ж. Т.) молодую жизнь, давать им строить свое будущее, свое счастье»³, согласилась отпустить старшего сына в Петербург.

¹ Самарская газета, 1892, 3 окт.

² Ульянова-Елизарова А. И. В. И. Ульянов (Н. Ленин). М., 1934, с. 28.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 37.

Она понимала его стремление быть в центре умственной и политической жизни страны, жить самостоятельно, чтобы не компрометировать революционной деятельностью родных.

20 августа Ульяновы отплыли на волжском пароходе из Самары в Нижний Новгород, чтобы там пересест на поезд до Москвы. Владимир Ильич задержался в Нижнем по своим конспиративным делам, а Мария Александровна с Анной, Дмитрием и Марией выехали в первопрестольную столицу.

МОСКВА (1893—1898)

Мария Александровна не успела еще найти жилье, как приехал из Нижнего Владимир Ильич. Большую часть из имевшихся у него дней он проработал в читальном зале библиотеки Румянцевского музея¹, а 30 августа родные проводили его в Петербург.

Вскоре после того, как Дмитрий Ильич стал студентом медицинского факультета и была обжита квартира в доме Фролова на Покровке, Мария Александровна со старшей дочерью спешит повестить Владимира Ильича. Была у нее и специальная цель: приближалась зима, и она хотела сама купить сыну пальто потеплее. Анна Ильинична вспоминала в связи с этим: «Володя был всегда очень непрактичен в житейских обыденных вещах,— он не умел и не любил покупать себе что-нибудь, и обычно и позже эту задачу брали на себя мать или я. В этом он напоминал всецело отца, которому мать заказывала всегда костюмы, выбирала материал для них и который, как и Володя, был чрезвычайно безразличен к тому, что надеть, привыкал к вещам и по своей инициативе никогда, кажется, не сменил бы их. Володя и в этом, как и во многом другом, был весь в отца»².

В январе 1894 года, во время рождественских праздников, Владимир Ильич побывал в Москве у родных. Лето

¹ Ныне Государственная ордена Лепина библиотека СССР имени В. И. Лепина.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 39.

того же года по настоянию матери, беспокоившейся о его здоровье, он провел вместе с нею под Москвой, в Кузьминках, неподалеку от станции Люблино. Он, как и раньше, много занимался, а для отдыха гулял с Дмитрием и Маняшей по окрестностям, учился ездить на велосипеде. По возвращении в Москву Мария Александровна сняла квартиру в доме Баженова в Яковлевском переулке, недалеко от Казанского вокзала. С нею по-прежнему жили Анна Ильинична с мужем, Дмитрий и Мария.

Владимир Ильич более или менее прочно обосновался в Петербурге в небольшой квартирке на третьем этаже в доме 7/4 по Большому Казачьему переулку. Здесь в начале марта 1895 года он заболел воспалением легких. «Я пригласил к нему доктора Кноха, ординатора Мариинской больницы,— вспоминал М. А. Сильвин,— и вызвал из Москвы по его просьбе Марию Александровну, мать Владимира Ильича, которая пригласила профессора Кадьяна»¹.

Воспаление легких, да еще в тяжелой форме, в то время считалось очень опасной болезнью. Поэтому, немедленно приехав в Петербург, Мария Александровна прибегла к помощи хорошо знакомого доктора медицины А. А. Кадьяна, который лечил Ульяновых еще в Симбирске, где отбывал ссылку как революционер-народник. Она всегда верила этому опытному врачу, мягкому и деликатному человеку, и в свое время жалела, что он был в отъезде во время смертельной болезни Ильи Николаевича². Доктор Кадьян оправдал ее доверие — Владимир Ильич выздоровел и в конце апреля выехал в Женеву для переговоров с членами плехановской группы «Освобождение труда».

¹ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Л., 1958, с. 68.

² См.: Ульянова М. И., с. 274.

Официальной целью его поездки были отдых и лечение после болезни. Определенную роль в получении разрешения на эту поездку сыграл А. А. Кадыан.

Лето 1895 года Мария Александровна провела со всей семьей на даче около станции Бутово, в 29 верстах от Москвы. В начале сентября сюда приехал Владимир Ильич. В те дни он много рассказывал о своей поездке, встречах с Г. В. Плехановым, другими марксистами, а также о том, что таможенники не обнаружили нелегальной литературы, которую он спрятал в чемодане с двойным дном.

Владимир Ильич знал, что охранка внимательно за ним следит. И когда Анна Ильинична приехала поздней осенью в Петербург, сказал ей об этом и просил, «чтобы, в случае его ареста, не пускать в Питер мать, для которой хождение в разные учреждения с хлопотами о нем было особенно тягостно, так как было связано с воспоминаниями о таком же хождении для старшего сына»¹.

В ночь с 8 на 9 декабря 1895 года Владимир Ильич и его соратники по руководимому им «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» были арестованы и отправлены в печально известный дом предварительного заключения — огромную тюрьму на Шпалерной улице. После первого же допроса Владимир Ильич послал Надежду Константиновну в Москву с поручением предупредить родных, что на вопрос, где чемодан, привезенный им из-за границы, он заявил следователю, что оставил у них, в Москве. Похожий чемодан был сразу же куплен.

Свидания с заключенными разрешались через месяц после ареста, и как только приблизился желанный день, Анна Ильинична поспешила в Петербург, чтобы наладить передачу брату продуктов и книг, условиться с ним о

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 48.

пифре для переписки. Она пыталась взять Владимира Ильича на поруки через известного адвоката М. Ф. Волкенштейна, у которого он числился помощником присяжного поверенного, но безуспешно.

Мария Александровна и Марк Тимофеевич в это время были больны. Владимир Ильич беспокоился об их здоровье. Уверяя Анну Ильиничну, что сам «вполне здоров» и ни в чем, кроме книг, не нуждается, он тем самым старался успокоить всю семью. В письме к старшей сестре от 14 января 1896 года, когда стало известно, что дорогие ему родные выздоровели, он с облегчением написал: «Очень рад, что мама и Марк поправились»¹. К сожалению, состояние здоровья матери снова ухудшилось.

31 мая Мария Александровна с Анной и Марией приехала в Петербург и поселилась на даче возле поселка Белоостров, в Финляндии. Свидания с Владимиром Ильичем в «предварилке» разрешались два раза в неделю: одно личное, другое общее, за решеткой. Личные происходили по понедельникам в присутствии надзирателя в течение получаса, общие — по четвергам, целый час. «При этом надзиратели ходили взад и вперед — один сзади клетки с железной решеткой, в которую вводились заключенные, другой — за спинами посетителей. Ввиду большого галдежа, который стоял эти дни, и общего утомления, который он должен был вызывать в надзирателях, а также низкого умственного развития их, можно было при некоторых ухищрениях говорить на этих свиданиях почти обо всем»².

На личные свидания ходила Мария Александровна с младшей дочерью. Мать, конечно, очень переживала заключение сына, но ни разу ни в чем не упрекнула его,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 19.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 51—52.

ни на что не жаловалась. По-прежнему всегда внешне тихая, ровная и вместе с тем деятельная, она взяла на себя все заботы по поддержанию здоровья сына: готовила и приносила ему диетические продукты, предписанные специалистом по желудочным болезням, вносила деньги за ежедневную порцию молока. Перед тюремщиками она держалась с достоинством, и кто бы в те дни ни видел ее, поражался, как эта в высшей степени изящная, хрупкая и нежная на вид шестидесятилетняя женщина мужественно переносит все невзгоды.

Многое делала Анна Ильинична по выполнению поручений брата. Согласно составленному им списку литературы и источников, необходимых для работы над книгой «Развитие капитализма в России», она доставала эту печатную продукцию в библиотеках, у букинистов и знакомых и передавала ее через тюремную администрацию. Периодически книги и журналы заменялись новыми, и в каждой порции на заранее условленных страницах велась тайная переписка точками. Но шифровка и расшифровка текста при таком способе занимала много времени. Тогда Владимир Ильич, по словам Анны Ильиничны, вспомнил «одну детскую игру, показанную матерью: писать молоком, чтобы проявлять потом на свечке или лампе... Он стал делать миниатюрные чернильницы из хлебного мякиша и, налив в них несколько капель молока, писать им меж строк жертвующей для этого книги»¹. Таким более скорым способом он передавал на волю тексты листовок, советы по злободневным вопросам революционной работы, получал информацию от единомышленников и продолжал оставаться руководителем петербургских марксистов. Этому в немалой степени способствовала и Надежда Константиновна, которая тоже с успехом выполняла роли постав-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 74.

щика литературы для Владимира Ильича и его связной с волей. Но 12 августа 1896 года она тоже была арестована по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Осенью в Петербург на несколько дней приехал Дмитрий Ильич и виделся с Владимиром Ильичем в доме предварительного заключения. «Свидание было за двойной решеткой,— вспоминал он,— между решетками стоял или ходил надзиратель, который запрещал говорить на иностранных языках и следил, чтобы никаких передач не было. На меня это произвело сильное впечатление, и я в первый раз нюхнул тюрьмы, и первое впечатление, конечно, было очень тяжелое»¹. А сколько раз испытывала эти тягостные впечатления Мария Александровна за время четырехнадцатимесячного заключения сына в одиночной камере № 193 мрачного здания на Шпалерной! С волнением она ждала приговора. Он был вынесен 29 января 1897 года, когда царь подписал повеление о высылке Владимира Ильича в Восточную Сибирь на 3 года.

Как только она узнала об этом, то подала прошение директору департамента полиции: «Вследствие того, что высылаемый в Восточную Сибирь сын мой Владимир Ульянов слабого здоровья, почему я не решаюсь отпустить его одного и **вознамерилась сопутствовать ему в ссылку** (выделено мной.— *Ж. Т.*), то имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить ему проследовать на место ссылки на свой счет с проходным свидетельством»². Департамент удовлетворил ее просьбу. 14 февраля Владимир Ильич вышел из «предварилки». Анне Ильиничне ясно запомнилось «выразительно просиявшее

¹ Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 74.

² Луговая М. П., Сидорова В. И. Семья Ульяновых в Петербурге—Петрограде. Л., 1977, с. 95.

бледное и худое лицо его», когда он в первый раз оказался на улице...

Перед отправкой Владимира Ильича в Сибирь Марии Александровне, как и некоторым другим родным освобожденных, удалось добиться в департаменте полиции разрешения сыну остаться у нее в Петербурге до вечера 17 февраля для сбора в дорогу, устройства личных дел и совета с врачом¹. Владимир Ильич в эти дни провел совещания членов «Союза борьбы», сфотографировался с товарищами и один, навестил семью И. Н. и А. К. Чеботаревых, у которых столовался до заключения. Надежда Копстантиновна после короткого пребывания на воле вновь находилась в «предварилке». Владимир Ильич встретился с ее матерью Е. В. Крупской, а самой Надежде Копстантиновне передал письмо «химией», в котором признался в любви².

Тревожения последних дней сказались на самочувствии Марии Александровны, и уже 15 февраля она обращается в департамент полиции с просьбой разрешить сыну задержаться из-за ее болезни в Москве на неделю³. Не получив ответа, Мария Александровна, Владимир Ильич и Анна Ильинична 17-го выехали в Москву. Мать продолжает добиваться удовлетворения своей законной просьбы. 18 февраля она пишет новое прошение в департамент полиции, в котором, ввиду ухудшения своего здоровья, просит разрешить сыну задержаться в Москве. На следующий день она посылает телеграмму директору департамента такого же содержания.

Петербург продолжал молчать. 22 февраля Владимир

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 132.

² См. там же, с. 133.

³ См. там же.

Ильич обращается в Московское охранное отделение с прошением остаться у матери до получения ответа на ее обращение в департамент полиции. Ему отказывают, поставив при этом ультиматум: либо он немедленно отправится в ссылку, либо его тотчас же арестуют и отправят в Сибирь по этапу. Мать после того, как ей передали слова кого-то из ссыльных: «Ссылку мог бы повторить, этап — никогда», была против добровольного «заарестования» сына.

В последние часы пребывания Владимира Ильича в Москве она пишет прошение, на этот раз генерал-губернатору Восточной Сибири, о назначении сыпу, ввиду его слабого здоровья, местом ссылки Красноярск или один из южных городов Енисейской губернии. На следующий день все родные, за исключением Дмитрия Ильича, который не мог ехать и простился с братом на Курском вокзале, поехали в Тулу и там простились с Владимиром Ильичем. «Если здоровье позволит, — сказала Мария Александровна ему, — приеду я к тебе летом с Маняшей. Только бы тебя не отправили на Север»¹. Владимир Ильич при расставании дал обещание регулярно писать и неукоснительно выполнял его. Два письма он написал матери еще по дороге в Сибирь, третье — со станции Обь, где ждал поезда до Красноярска.

Зная, что мать беспокоит его здоровье, он уверяет ее, что в дороге не устал, чувствует себя спокойно, а морозы переносятся «несравненно легче, чем в России»². Обнадеживающе сообщал о реальной возможности попасть туда, куда мать хотела — на юг Енисейской губернии. А 5 апреля Владимир Ильич делится доброй вестью: слышал,

¹ Цит. по кн.: Куницкая Л., Маштакоса К. Мария Ульянова. М., 1979. с. 22.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 23.

что ему, Г. М. Кржижановскому и В. В. Старкову назначен Минусинский округ¹. Через несколько дней он называет и окончательное место ссылки — село Шушенское. Успокаивая мать, он расхваливает его: «Лето я проведу, следовательно, в «Сибирской Италии», как зовут здесь юг Минусинского округа»². В письме от 18 мая он просит ее отказаться от поездки к нему для хлопот о переводе в село Тесинское³.

Владимиру Ильичу удалось убедить мать, что он здоров, полон энергии. И только тогда в мае она с дочерьми едет в Швейцарию для лечения. Анна и Мария имели поручения от Владимира по приобретению социально-экономической литературы, укреплению связей с группой Г. В. Плеханова.

Мария Александровна видела, что ее дети, в том числе и младшая дочь, бросившая после гимназии на Высшие женские курсы в Москве, участвуют в нелегальной работе. Но она, наверно, не предполагала, что эта деятельность настолько серьезна, что повлечет лишение свободы. Первым ею поплатился Дмитрий Ильич, который 7 ноября 1897 года был арестован по делу Московского рабочего союза, исключен из университета и помещен в одиночную камеру Таганской тюрьмы как «государственный секретный преступник»⁴.

Как только Владимир Ильич узнал об этом несчастье, он стал успокаивать мать, убеждая, что Дмитрия «долго держать не станут»⁵. Когда же стало видно, что дело брата затягивается, а за два с половиной месяца сидения

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 29.

² Там же, с. 31.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 147.

⁴ Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 75—76.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 59.

у него «одутловатость какая-то успела появиться»¹, он на основании собственного опыта усиленно рекомендует соблюдать диету и ежедневно заниматься гимнастикой.

Владимир Ильич тревожился и за мать. И падо же было так случиться, что в газетах появилось объявление о смерти в Москве Марии Александровны Ульяновой. Газета дошла до Шушенского. Путиловский рабочий, по национальности финн, Оскар Энгберг, находившийся тоже в ссылке, рассказывал: «Пришел к Владимиру Ильичу, а он бледный, как полотно, — говорит: мать у меня умерла»². И сколько он пережил, пока не пришла от родных телеграмма, поясняющая, что в газетах говорилось об Ульяновой-однофамилице...

В феврале 1898 года появилась надежда, что Н. К. Крупской разрешат отбывать трехлетнюю ссылку вместе с Владимиром Ильичем. Мария Александровна, уже и раньше видевшая, выражаясь словами Анны Ильиничны, «к чему шло дело»³, была очень рада, что сын связывает свою судьбу с этой чудесной девушкой, и в Шушенском рядом с ним будет верная подруга и помощница. Но только 17 апреля Надежда Константиновна с матерью Елизаветой Васильевной появились в квартире Ульяновой в доме Романовского на Собачьей площадке. Мария Александровна радушно встретила дорогих гостей, сожалела, что им разрешено пробыть в Москве только одни сутки. Горевала, что не может поехать вместе с ними, но обещала приехать в Шушенское летом.

Как только Владимир Ильич узнал от приехавшей к нему Надежды Константиновны о намерении матери навестить их, он 10 мая написал: «Очень и очень бы хоте-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 72.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленинге, т. 1, с. 249.

³ Там же, с. 75.

лось, чтобы тебе удалось сюда приехать, — только бы поскорее выпустили Митю.

Да, Анюта спрашивала меня, кого я приглашаю на свадьбу: приглашаю всех вас, только не знаю уж, не по телеграфу ли лучше послать приглашение!! Н. К., как ты знаешь, поставили трагикомическое условие: если не вступит *немедленно* (sic!) в брак, то назад в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем «хлопоты»¹.

Как ни хотела Мария Александровна встретиться со старшим сыном, но выехать не смогла — Дмитрия Ильича все еще держали в тюрьме, и она очень тяжело переживала его неволю. «Мать мою, не отдохнувшую еще от предыдущего несчастья, — писала Анна Ильинична, — заключение брата Дмитрия измучило особенно, так как, здоровый и жизнерадостный юноша, он страшно томился от отсутствия воздуха и движения, и мать, перед глазами которой все время стоял пример сошедшего безнадежно с ума Запорожца в московской тюрьме, трепетала за такую же участь для брата»².

Владимир Ильич в своих письмах, как мог, успокаивал мать, советовал ей подыскать какое-нибудь другое местожительство, так как Дмитрию Ильичу после освобождения из тюрьмы вряд ли разрешат находиться в Москве. Родные согласились и в мае 1898 года переселились в подмосковный Подольск³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 89.

² Ленин и Ульяновы в Подольске. М., 1966, с. 21.

³ См. там же, с. 23.

ПОДОЛЬСК (1898—1901)

Городок был маленьким, в нем тогда не имелось крупных заводов и фабрик, а население не достигало и четырех тысяч человек. Поэтому Мария Александровна надеялась, что после выхода из тюрьмы младшему сыну разрешат жить в этом захолустье. Ожидая его выхода на волю, она по давней привычке делать сюрпризы близким берегла богатый в то лето урожай на кустах орешника. Когда же Дмитрий появился в августе, сбор орехов в саду происходил вместе с ним. Правда, он вскоре уехал в Тулу, чтобы отбывать там установленный властями годичный гласный надзор. Но благодаря новому ходатайству матери уже через месяц ему разрешили отбывать ссылку в Подольске.

Мария Александровна стала спокойнее — сын рядом, старшая дочь недалеко, в Москве. Но и с нею она виделась часто, так как Марк Тимофеевич, служивший в управлении Курской железной дороги, имел для нее и Анны бесплатные билеты. Однако с затаенной грустью мать готовилась к новой разлуке — на этот раз с младшей дочерью. Двдцатилетняя Мария, окончившая этим летом курсы, уезжала в Бельгию для продолжения образования. Владимир Ильич горячо поддержал из Шушенского это намерение сестры.

Химико-физический факультет Нового Брюссельского университета, куда поступила Мария Ильинична, ей понравился. Омрачало лишь то, что не все было понятно на лекциях, читавшихся профессорами на французском языке, да еще с особым акцентом. Мария Александровна ста-

рается всячески приободрить дочь. В письме из Подольска от 18 сентября она пишет: «Я вполне надеюсь, что чем дальше, тем более ты будешь привыкать и понимать лекции — упражняйся и говори больше, ведь только начало трудно — и тем больше интереса будешь находить. Мой совет — не разбрасываться, а держаться той специальности, которую ты выбрала первоначально...»¹

Сердечное участие близких помогло Марии Ильиничне освоиться в чужой стране, вгнаться в учебу и наладить быт. В свою очередь она аккуратно высылала Владимиру Ильичу в Шпенское социально-экономическую литературу на немецком, французском и английском языках. Матери и сестре она шлет свои первые переводы художественных рассказов с немецкого и французского. Мария Александровна, обладавшая тонким литературным вкусом и опытом такой работы, была довольна успехами младшей дочери и ободряюще поддерживала ее творчество: «Перевод твой получали... и читали вместе за чаем... всем понравилось. Прекрасно делаешь, что практикуешься в переводе, хвалю за это и советую продолжать. Эту статейку надеются пристроить где-нибудь. Присылай еще. Я переводила бы с удовольствием тоже...»²

Из другого письма Марии Александровны видно, что после того как они с Анной перевели для печати несколько английских рассказов, она сама взялась за перевод рассказа с немецкого. Работа эта ей нравилась. «Занялась бы этим с удовольствием, если бы был интересный материал!»³ — призналась она.

С ноября 1898 и до апреля 1899 года значительное место в жизни Ульяновых заняла подготовка к печати «Во-

¹ Цит. по кн.: Купецкая Л., Маштакова К. Мария Ульянова, с. 29.

² Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969, с. 96.

³ Ульянова М. И. с. 284.

лодиных «Рынков» — так называли они между собой книгу «Развитие капитализма в России». Тетради с главами этого нового большого сочинения Владимира Ильича поступали из Шушенского в Подольск заказными бандеролями на имя матери. Она передавала их старшей дочери, сообщала младшей в Бельгию о ходе окончательной подготовки рукописи к изданию. А вечерами, когда Аня с Митей читали очередные «корректуры Володиных»¹, она тоже была рядом с ними.

После окончания первого курса Мария Ильинична немного погостила у матери в Подольске и поехала в Москву для участия в партийной работе. 30 сентября 1899 года прокатилась волна обысков и арестов среди членов комитета РСДРП. Анна Ильинична, вовремя прекратившая знакомство с человеком, оказавшимся провокатором, незадолго до облавы выехала с матерью за границу и поэтому осталась на свободе. Марии Ильиничне ареста избежать не удалось: в руки охраны попало одно из ее писем, свидетельствовавших о связи с членами революционной организации. В тюрьме она находилась недолго. Не имея достаточных оснований, власти освободили ее, но выслали под особый надзор полиции в Нижний Новгород. А Мария Александровна добивается того, чтобы дочери разрешили отбывать ссылку в Подольске.

О ее выдержке и силе воли свидетельствует эпизод, о котором рассказал в своих воспоминаниях М. Б. Смирнов, ему довелось увидеть Марию Александровну в приемной шефа жандармов в 1899 году: «Вышедший из кабинета директор департамента, забывший, что перед ним стоит мать, с цинизмом царского отричника, громко, на всю залу, обратился к матери Владимира Ильича со следующими словами:

¹ Переписка семьи Ульяновых, с. 6.

— Можете гордиться своими детками — одного повесили и о другом также плачет веревка.

Трудно передать (для этого надо быть художником) фигуру и выражение лица матери Ильича в тот момент, когда, поднявшись, полная достоинства, она произнесла в ответ на это:

— Да, я горжусь своими детьми!»¹

В этих словах, брошенных в лицо всесильному шефу жандармов империи, ярко проявились благородство ее убеждений и громадная сила воли, горячая любовь к погибшему Александру и стойко переносившему заключение и сибирскую ссылку Владимиру. К этому времени уже и дочери Анна и Мария, и сын Дмитрий, и зять М. Т. Елизаров побывали в тюрьмах и ссылках, и борьба против ига деспотизма за счастье всех людей труда стала целью жизни всех близких Марии Александровны. Поэтому ее гордое заявление царедворцу было в то же время клятвой матери в любую минуту прийти на помощь своим детям, целиком посвятившим себя этой борьбе.

И никакие невзгоды не могли сломить ее духа. Она подбадривает Дмитрия, лишенного возможности окончить университет и где-либо работать. Радуетса тому, что в конце 1899 года Марии разрешено вернуться из Нижнего Новгорода, а затем и устроиться на скромную должность счетовода в управление Московско-Казанской железной дороги.

С наступлением нового, 1900 года Мария Александровна с волнением подсчитывает дни окончания ссылки Владимира Ильича. Радость предстоящей встречи после трехлетней разлуки с ним омрачилась тревожными думами о том, чтобы, как выразился Дмитрий Ильич, «не вышло бы какой-нибудь заценки... Какое-нибудь столкновение

¹ Ульянова М. И., с. 289.

с начальством, какая-нибудь мелкая месть местного сатрапа, и срок ссылки мог быть продлен»¹.

К счастью, это опасение не сбылось, и 30 января Мария Александровна получила долгожданную телеграмму из Минусинска о выезде Владимира Ильича с Надеждой Константиновной и ее матерью из Сибири. Мария Александровна знала, что им предстоит трехсоткилометровый путь по Енисею на лошадях до Ачинска, а затем четырехдневный переезд поездом до Уфы, где Надежда Константиновна должна была остаться и отбывать еще год ссылки. И пока продолжалось это длительное путешествие, Мария Александровна спешит подать прошение директору департамента полиции о разрешении сыну и его жене неделю побыть у нее в Москве, а также о разрешении Надежде Константиновне проживать в Пскове по месту жительства, избранному ее мужем².

Трудно допустить, что Мария Александровна не знала, почему сын, которому было запрещено жить в столицах и крупных промышленных городах, избрал Псков. От Пскова было недалеко до Петербурга — революционного центра страны, а также до Подольска и Москвы, где жили родные. Департамент полиции согласился на проживание Владимира Ильича в Пскове, но Надежде Константиновне покинуть Уфу не позволил. Это решение департамента огорчило Ульяновых, но не изменило намерения Владимира Ильича жить в Пскове одному, ради интересов дела. Ему, по словам Надежды Константиновны, как и ей самой, «даже и в голову не приходило», что можно остаться в Уфе, «когда была возможность перебраться поближе

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. т. 1, с. 63.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 243.

к Питеру» и совершать туда наезды с тем, чтобы начать «настоящую» работу¹.

Побыв два дня в Уфе, Владимир Ильич спешит к матери, которая в это время находилась в Москве. В Подольске его встретил Дмитрий Ильич и просхал вместе с ним оставшиеся 50 верст до Москвы. «Мы жили в то время на окраине Москвы у Камер-Коллежского вала, по Бахметьевской улице,— вспоминала Анна Ильинична.— Увидав подъехавшего извозчика, мы выбежали все на лестницу встречать Владимира Ильича. Первым раздалось горестное восклицание матери:

— Как же ты писал, что поправился? Какой ты худой!

— Я действительно поправился. Я только за последнее время, перед отъездом, сдал»².

Владимир Ильич был бодр, с оптимизмом говорил о планах объединения партии и создания за границей общерусской газеты. В минуты досуга он с увлечением пел «Беснуйтесь, тираны», «Вихри враждебные» и был рад, когда родные подхватывали эти революционные песни, особенно когда в хор вливался по-прежнему красивый голос матери. «И, несмотря на свои седые волосы и глубокие морщины на лице,— вспоминала Мария Ильинична,— она казалась тогда такой молодой, не старше той молодежи, в кругу которой эти песни пелись»³.

Не успела Мария Александровна порадоваться возвращению сына из Сибири, как он умчался в Нижний и Питер для переговоров с товарищами, а затем — в Псков. Устроившись там, Владимир Ильич направляет в департамент полиции прошение о разрешении жене отбывать ссылку вместе с ним. 15 марта он просит мать в случае

¹ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 246.

² Там же, с. 59.

³ Ульянова М. И., с. 301.

отказа ходатайствовать о Надежде Константиновне в Петербурге лично¹.

Через полтора месяца департамент по просьбе матери разрешил поездку Владимира Ильича к ней в Подольск, а 5 мая он получает и заграничный паспорт для поездки в Германию. В середине месяца Мария Александровна обрадовала сына известием, что ему вместе с нею разрешена поездка в Уфу сроком на полтора месяца. Перед встречей с матерью и женой он 20 мая нелегально останавливается в Петербурге, где через сутки был арестован за незаконное пребывание в столице... Трудно было предугадать, как обернется дело, ибо при аресте у него отобрали «химическое» письмо к Г. В. Плеханову с изложением плана будущей газеты «Искра». Владимир Ильич сообщил родным о причине своей задержки, но, успокаивая их, выразил надежду на скорое освобождение. Известие об аресте особенно поразило мать, которая, по словам Анны, «была прямо-таки в отчаянии...»².

К счастью, письмо «химией» не привлекло внимания жандармов, Владимира Ильича 31 мая освобождают из-под ареста и в сопровождении полицейского чиновника отправляют в Подольск, к матери. Она была очень рада благополучному исходу этой истории, тем более что заграничный паспорт не был отобран у Владимира Ильича.

Этой весной Мария Александровна снимала квартиру — четвертую в Подольске — в доме Кедровой, на окраине города, на берегу реки Пахры. Владимир Ильич пробыл у родных неделю, а 7 июня вместе с матерью и старшей сестрой выехал из Подольска к Надежде Константиновне. До Нижнего Новгорода ехали поездом, а оттуда на пароходе по Волге, Каме и Белой.

Погода стояла теплая, и все они были в самом жизне-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 247.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 66.

радостном настроении, с наслаждением вдыхая чудный воздух с реки и окрестных лесов. Пассажиров было мало, и за неделю путешествия, без свидетелей, часами говорили о самом сокровенном.

В Уфе Мария Александровна и Анна Ильинична окончательно сблизились с Надеждой Константиновной и ее матерью и навсегда стали действительно родными по духу. Через три дня, оставив здесь Владимира Ильича, они двинулись в обратный путь по рекам. Он же, побыв с женой три недели, возвращался по железной дороге, сделав остановки в Самаре и Сызрани для встречи с будущим активом «Искры».

Мария Александровна выхлопотала в департаменте полиции разрешение на трехдневное пребывание Владимира Ильича у нее в Подольске. 10 июля он приехал. Провожая сына за границу, мать испытывала и грусть, ибо разлука предстояла надолго, и радость: чувствовала, что «в России с его революционным темпераментом ему недоборовать»¹. Успокаивало, что через две недели к нему в Швейцарию выезжает Анна Ильинична, а весной будущего года и Надежда Константиновна.

Этой осенью, после многочисленных ходатайств, министерство народного просвещения соизволило дать согласие на поступление Дмитрия Ильича в Юрьевский (ныне Тартуский) университет. Мария Александровна спешит поделиться доброй вестью с Владимиром Ильичем, а он в ответном письме с радостью припоминает и о скором окончании срока гласного надзора над Марией Ильиничпой.

Словом, 1901 год наступал для матери в сравнительно спокойной обстановке. А в январе, когда Мария Ильинична прочитала доставленный в Москву первый номер «Искры», Ульяновы торжесествовали: Владимир Ильич начал великое дело

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 67.

Но спокойствие для Марии Александровны продолжалось недолго. 1 марта московская охранка схватила более двадцати сторонников «Искры», и среди них Марию Ильиничну и Марка Тимофеевича. Дмитрий Ильич находился в Юрьеве, Анна Ильинична — у Владимира Ильича в Мюнхене. Мария Александровна снова осталась одна...

Шли мучительно томительные недели заключения родных в одиночках Таганской тюрьмы, а матери не сообщали даже сути конкретных обвинений, предъявленных младшей дочери и зятю, и не давали свиданий с ними. В очередном прошении Мария Александровна, добиваясь встречи с Марией, писала: «После ареста ея, я осталась, в преклонных летах моих 67 лет, совершенно одна, совершенно убитая горем, и нравственное состояние мое страшно угнетено. Свидание с дочерью успокоит и ободрит меня...»¹

Родные, как кто мог, старались поддержать душевные силы Марии Александровны. Марк Тимофеевич в первом же письме от 6 марта, рассказав с юмором и иронией об условиях тюремной жизни, попросил ее: «Не унывай, наша дорогая, и мужественно переноси незаслуженные лишения»².

В середине марта, сразу после окончания уфимской ссылки, в московскую квартиру Елизаровых, где тогда жила Мария Александровна, приехала с матерью Надежда Константиновна. О многом они переговорили в те дни. Уезжая за границу, Надежда Константиновна обещала писать так же часто, как из Шушенского, беречь здоровье Владимира Ильича.

Вскоре же по получении от матери известия об аресте Марии Ильиничны и Марка Тимофеевича приехал на помощь Дмитрий Ильич. Но в свиданиях с сестрой ему отка-

¹ Цит. по кн.: Кунецкая Л., Маштакова К. Мария Ульянова, с. 42.

² Переписка семьи Ульяновых, с. 122.

зали: он сам недавно привлекался к делам политического характера.

Громадной нравственной поддержкой для Марии Александровны были письма Владимира Ильича из Мюнхена. Он горячо советовал ей жить на даче в Подольске, не волноваться, так как надеется, что Маняше и Марку скоро удастся быть вместе с нею¹. Когда же стало ясно, что их заключение в тюрьме задерживается, он в письме от 1 сентября вновь успокаивает мать: «Крепко, крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю быть бодрой и здоровой. Помнишь, когда меня держали, ты тоже представляла себе дело гораздо более серьезным и опасным, чем оно оказалось, а ведь по отношению к Маняше и Марку не может быть и сравнения никакого с моим делом! Что держат их столько, — это отчасти зависит, вероятно, от того, что арестованных масса и в деле все еще не могут хорошенько разобрать...»²

В это время из-за границы приехала в Подольск Анна Ильинична. Узнав от нее, что следствие закончено и дело родных передано прокурору, Владимир Ильич в письме от 21 сентября пишет матери: «Это хорошо: теперь, вероятно, и наши спокойнее будут да и времени уже им сидеть осталось меньше. Может быть, и твое прошение о выдаче на поруки уважат»³.

Владимир Ильич оказался отчасти прав: в начале октября Мария Александровна узнала, что дочь и зятя на днях выпустят из тюрьмы, но отправят в ссылку. Мария Ильинична избрала себе Самару. Мария Александровна спешно упаковывает вещи и отправляет багаж. Наконец, 6 октября Мария Ильинична вышла на свободу, а через сутки мать отправляется с пей в Самару. До Сызрани, где жили его родные, ехал и Марк Тимофеевич Елизаров.

¹ См.: Л е п н В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 207.

² Там же, с. 214—215.

³ Там же, с. 215.

СНОВА В САМАРЕ (1901—1903)

Девятого октября Ульяновы прибыли поездом в Самару и остановились в гостинице «Россия», где и жили до 20-го, пока Мария Александровна не подыскивала частную квартиру. Но она оказалась неудачной, и за последующие две недели пришлось еще раз сменить жилье, пока 6 ноября не устроились в двухэтажном каменном доме И. В. Урванцева на Сокольниковой улице, на той самой, где жили в 1890—1893 годах.

К большой радости Марии Александровны, этим летом Дмитрий Ильич закончил университет. К тому же намечалась вакансия санитарного врача в Самаре, и в январе он был уже у матери. В конце месяца и Марии Ильиничне удалось наконец-то найти работу конторщицы дорожно-строительного управления губернской земской управы.

Но и для младшей пары Ульяновых официальные должности не являлись главным делом — все их помыслы были сосредоточены на претворении в жизнь разработанного Владимиром Ильичем плана создания партии. В конце января в Самаре была созвана первая общероссийская конференция сторонников «Искры», которая избрала ЦК, известный в истории как Самарское бюро русской организации «Искры». В него вошли Мария Ильинична и Дмитрий Ильич.

Дмитрию Ильичу поручили организовать работу в Одесском комитете. И ехать туда надо было как можно скорее. Это вытекало из письма Владимира Ильича, который, узнав о решениях своих самарских сторонников,

писал им в феврале: «Ваш почин нас страшно обрадовал. Ура! Именно так! шире забирайте!»¹

Перед переездом в Томск повидаться с родными заехал в Самару М. Т. Елизаров. Накануне разлуки Мария Александровна, Мария Ильинична, Дмитрий Ильич и Марк Тимофеевич сфотографировались вместе.

В начале марта Мария Александровна, конечно, не без сожаления, проводила сына в Одессу и тут же обратилась к самарскому губернатору с прошением о разрешении дочери «сопровождать ее за границу на Мариенбадские минеральные воды на срок от 2 до 3 месяцев»². На самом же деле причиной этой поездки было не столько лечение водами, сколько страстное желание повидаться с Владимиром Ильичем, Анпой Ильиничной и Надеждой Константиновной, которых мать не видела два года и по которым сильно соскучилась. Поездка Марии Ильиничны устраивала и руководителей Самарского бюро, так как она могла передать Владимиру Ильичу наиболее полную информацию о работе искровцев и привезти от него новые конкретные указания.

Как только Владимир Ильич узнал о наметившейся поездке, он по-сыновнему тепло выразил свою большую радость в письме к матери из Мюнхена от 2 апреля 1902 года: «Как твоё здоровье теперь, моя дорогая? Продолжаешь ли думать насчет поездки за границу летом? Если только не чересчур утомит это тебя, то было бы отлично»³. В письме от 8 мая, уже из Лондона, куда он переехал по делам «Искры», с характерной для него заботливостью продолжал: «Надеюсь скоро увидаться с тобой, моя дорогая. Только не слишком бы утомило тебя путешествие.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 455.

² Цит. по кн.: Арнольд В. Семья Ульяновых в Самаре, с. 112.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 219.

Непрерывно надо выбирать дневные поезда и останавливаться на ночевки в гостиницах... Без отдыха же, при быстроте здешних поездов и малых остановках, ездить по несколько дней совершенно невозможно.

Буду ждать вестей о твоём выезде с нетерпением. Может быть, дашь телеграмму из России или из-за границы, когда сядешь на прямой поезд сюда? Это было бы гораздо удобнее»¹.

Мария Александровна давно бы выехала, если бы не задержка с решением вопроса о младшей дочери: самарская полиция препятствий к её выезду не чинила, но департамент полиции, которому принадлежало решающее слово в выдаче заграничного паспорта, молчал уже целых два месяца. «Хоть бы ехать скорей, ужасная вещь эта неопределенность! — с горечью писала Мария Александровна Анне Ильиничне 13 мая в Дрезден. — Не знаю, как и поступить: ехать разве, не дождавшись ответа? А вдруг да на другой же день отъезда он придет! Подожду еще несколько дней»².

Ответ из департамента пришел через две недели. Он был отрицательным. Мария Александровна поехала одна. В Берлине состоялась встреча со старшей дочерью. Здесь же она проконсультировалась у доктора, который прописал ей курс лечения. Неожиданно выяснилось, что Владимиру Ильичу опасно показываться в Германии, а Надежде Константиновне неотложные дела в редакции «Искры» вообще не позволяют покинуть Лондон. Встреча с сыном была перенесена во Францию.

Владимир Ильич остановился для отдыха в небольшом портовом городке Логиви, на северном берегу Бретани, снял комнаты у жены рыбака матушки Леган и во второй половине июня там радостно встретил мать и старшую

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 221.

² Переписка семьи Ульяновых, с. 136.

сестру. Как сам Логиви, так и побережье около него, изрезанное морским прибоем, очень понравились Ульяновым своей первозданной красотой. Делясь впечатлениями о пребывании в Логиви с Марией Ильиничной, Мария Александровна писала: «Мы проводим тоже большую часть дня на воздухе: утром, сидя на скале у моря,— прекрасные тут места в скалах, все море перед глазами и воздух такой свежий, приятный. Берем с собой книгу и работу, в 12 Аня спускается купаться, большей частью и я с нею... От часу до двух обедаем,— готовим себе сами... После обеда отдыхаем немного, а там гуляем или же сидим опять у моря»¹.

Владимир Ильич давно так хорошо не отдыхал и за те три с лишним недели, что он пробыл с родными в Логиви, почувствовал себя гораздо здоровее, даже катар почти прошел. Но он и здесь писал для «Искры», а 12 июля вынужден был возвратиться по срочным редакционным делам в Лондон. «Жаль мне очень,— сообщила в связи с этим Мария Александровна дочери в Самару,— что Володя не мог долее погостить здесь, это было бы очень здорово для него! Воздух здесь у моря очень хорош, а также морское купанье нравилось ему и, как я, кажется, уже писала тебе, он высмотрел очень хорошо и сильно загорел, потому что проводил целые дни на воздухе»².

Мария Александровна и Анна Ильинична отдыхали и лечились в Логиви после отъезда Владимира Ильича еще больше месяца. При возвращении на родину на границе российские жандармы тщательно просмотрели все вещи Анны Ильиничны. Но она предусмотрительно отправила из Берлина Владимиру Ильичу в Лондон даже фотографии брата Александра, поэтому обыск прошел вполне благополучно. 28 августа Мария Александровна с дочерью

¹ Исторический архив, 1958, № 2, с. 10.

² Там же,

была уже в Самаре, о чем тут же телеграммой известила Владимира Ильича. Анна Ильинична погостила несколько дней; помогла матери и сестре перебраться на другую квартиру — на втором этаже дома Д. И. Петровой по Самарской улице; передала товарищам поручения Владимира Ильича и отправилась в Томск к мужу.

Через несколько дней, в середине сентября, Мария Александровна с ужасом узнала, что Дмитрий Ильич за свою революционную деятельность заключен в Одесскую тюрьму. С тревогой сообщила о случившемся Владимиру Ильичу. Он немедленно откликнулся из Лондона и заявил, что случилось какое-то недоразумение и он уверен в скором Митином освобождении. К счастью, так оно и произошло: через три недели заключения Дмитрий Ильич и его невеста фельдшерца Антонина Ивановна Нещеретова за недостатком улик были выпущены на свободу.

Общение со старшими детьми за границей, безусловно, помогло Марии Александровне яснее представить цели и методы революционной деятельности. Она была и в курсе дел, которыми занималась в Самаре дочь Мария. Помогала ей хранить нелегальную литературу и документы, наблюдала, как она наносит шифрованный текст между строк обычного письма. А когда кропотливая работа заканчивалась, Мария Александровна прятала пузырьки с реактивами среди хозяйственных припасов и кухонной утвари.

Случалось, что дочь задерживалась вечером у товарищей-искровцев, и Мария Александровна поджидала ее у ворот. «Помню, — впоследствии писала Мария Ильинична, — как, возвращаясь откуда-то поздно вечером в Самару в сопровождении кого-то из товарищей, я была поражена, увидя мать у подъезда нашей квартиры. «Я беспокоилась, почему тебя долго нет, проводит ли тебя кто-нибудь», — сказала она»¹.

Когда в доме все было более или менее спокойно, Ма-

¹ Ульянова М. И., с. 298.

рия Александровна и Мария Ильинична музицировали, читали. 20 ноября 1902 года мать писала Анне Ильиничне: «Читала в IX книге «Русского богатства» «Черные кабинеты» и повесть «На скалах». Мне понравилось. Теперь у нас «Мир Божий», X книга. Просматриваю прежде всего в ней «На родине», была ли у тебя эта книга? Если нет, то возьми. Хороши тут некоторые мысли Толстого («У Л. Н. Толстого»), и весь отдел интересен.

Иногда отправляемся с Маней в библиотеку. Интересно, конечно, просмотреть газеты, но читать там долго не могу, утомляюсь, все не то, что дома, да и далеко туда»¹.

Проживая в Самаре, Мария Александровна с младшей дочерью оказались в центре своеобразного огромного треугольника, по концам которого за многие тысячи верст друг от друга жили их родные: Владимир и Надежда — в Лондоне, Дмитрий и Антонина — в Одессе, а Анна с Марком — в Томске. Именно сюда, на Волгу, они постоянно мечтали попасть, побыть хоть немного рядом с матерью. Но так как это далеко не всегда было осуществимо, то свою любовь к ней они выражали в письмах. Писали и о своих радостях, и о невзгодах. И Мария Александровна находила время для ответов, чтобы все дети знали о ее жизни и о том, что ей стало известно из переписки с каждым из них.

Так, в том же письме Анне Ильиничне от 20 ноября она вкратце передала содержание письма Надежды Константиновны, в котором сообщались новости о Владимире Ильиче и условиях их лондонской жизни, а также рассказ Дмитрия Ильича и Антонины Ивановны о том, как они отпраздновали 10 ноября свое бракосочетание и что к Новому году намерены переехать в Самару.

1903 год Мария Александровна встречала вместе с Марией, Дмитрием и певесткой. Анна Ильинична с Марком Тимофеевичем в это время уже переехали в

¹ Переписка семьи Ульяновых, с. 146.

Порт-Артур, где, как и в Томске, Елизаров служил в управлении железной дороги. Письма от них доходили в Самару теперь только на 20-й день!

В марте с приездом Анны Ильиничны с матерью было трое ее детей, и все находились под надзором полиции. Выполняя поручения Владимира Ильича, все вели активную подготовку к II съезду партии. Дмитрий Ильич выезжал по этому делу в Тулу, Мария Ильинична — в Сызрань, Анна Ильинична была на месте, деятельно участвовала в работе самарских искровцев. Три жандармских унтер-офицера, осуществлявшие слежку за квартирой Ульяновых, хлопотали немало. Но опытные конспираторы не дали каких-либо улик для их ареста.

Тогда жандармы решили действовать напрямик. Однажды они нагрянули к Ульяновым и нашли у Марии Ильиничны тетрадь с адресами деятелей разных комитетов. Записаны они были шифром в виде задач с арифметическими и алгебраическими знаками, с дифференциалами и интегралами. Руководитель обыска спросил у Марии Ильиничны, что это такое. Она спокойно ответила, что занимается решением задач. Жандарм поверил. Благодаря находчивости и самообладанию молодой революционерки она и ее товарищи на этот раз избежали репрессий. 11 марта 1903 года в Самарское губернское жандармское управление вызвали Марию Александровну. Но мать не сказала ничего о своих детях, что могло бы пригодиться охранке, и ее оставили в покое.

Мария Александровна чувствовала себя плохо летом в душной и пыльной Самаре, к тому же ее всегда тянуло поближе к природе. Дети знали об этом и, несмотря на занятость партийной работой, в мае выехали с нею в село Моркваши Сызранского уезда Симбирской губернии, где сняли дачу на берегу Волги. Сюда приезжали их товарищи и под видом пикников проводили нелегальные собрания.

В конце июня Дмитрий Ильич, избранный делегатом на II съезд партии, поехал в Кишинев, чтобы оттуда, нелегально перейдя границу, отправиться к Владимиру Ильичу в Женеву. Родные знали, какие опасности ждут его на этом пути, и, конечно, волновались. Мария Ильинична, у которой кончился срок ссылки, тоже рвалась в Швейцарию, чтобы закончить прерванную московским арестом учебу в университете. Владимир Ильич поручил решение этого вопроса Г. М. Кржижановскому как руководителю самарских искровцев, и тот высказался за то, чтобы Мария Ильинична осталась работать в России.

В конце августа Дмитрий Ильич благополучно вернулся в Самару, но ненадолго: ему как делегату съезда необходимо было побывать в Саратове, Нижнем Новгороде и Москве. А потом, по решению ЦК, обосноваться в Киеве. Там же предстояло работать секретарем Русского бюро ЦК большевиков Марии Ильиничне.

Теперь у детей важные дела в Киеве... Надо готовиться к переезду. Мария Александровна распродает наиболее громоздкую мебель. Марк Тимофеевич, который уже вернулся с Дальнего Востока, отправляет багаж, приобретает проездные билеты. Мария Ильинична рассчитывается со службой, запасается явками, паролями и шифрами. Анна Ильинична помогает матери в оформлении пенсионных и других документов.

Мария Александровна покидала Самару без особого сожаления и, как говорится, с легким сердцем: наконец-то все ее дети и их родные перестали находиться под гласным надзором полиции и получили право менять местожительство. Дмитрий Ильич уехал в Киев с твердой надеждой получить там место врача. Г. М. Кржижановский, служивший с июля в Киеве инженером в управлении железной дороги, обещал помочь устроиться на работу Марии Ильиничне и жене Дмитрия Ильича.

КИЕВ (1903—1904)

Дмитрий Ильич с женой жили в Киеве на Пушкинской улице. Мария Александровна с дочерьми поселились отдельно — на Лабораторной. Марк Тимофеевич в поисках работы уехал в Петербург. Виделись Ульяновы часто. Новый, 1904 год все встречали у матери, с хорошим настроением.

А 1 января пришла большая беда. Вечером, возвращаясь с заседания Киевского комитета партии, Дмитрий Ильич вместе с З. П. Кржижановской были схвачены на улице и отправлены в крепость, где обычно содержались важные революционеры. Через несколько часов, уже ночью, в квартиру Марии Александровны нагрянули жандармы. Они рылись в белье, книгах, шкафах, столах. Мать уже спокойнее относилась к подобным нашествиям, чем прежде, и вслух выразила уверенность, что «гости» сами не знают, что ищут, и поэтому ничего не найдут.

Обыск и на самом деле ничего не дал: жандармы так и не догадались, что весь архив ЦК, избранного на II съезде партии, находился в двойной крышке шахматного столика, изготовленного по чертежам М. Т. Елизарова. Но, несмотря на безрезультатность обыска, «голубые мундиры» увезли Марию Ильиничну, Анну Ильиничну и жену Дмитрия Ильича и заключили в Лукьяновскую тюрьму.

Мария Александровна оказалась одна в почти незнакомом городе. Но она не растерялась и делала все, чтобы облегчить участь детей в неволе, помочь их товарищам в борьбе. Примечательны в этом отношении строки из вос-

поминаний жены Дмитрия Ильича: «Сидя в тюрьме, Анна Ильинична продолжала дело установления и укрепления связей между товарищами, находившимися на воле, информировала их о положении дел, часто нагружала свою мать тюремными поручениями, которые Мария Александровна выполняла с исключительной аккуратностью и быстротой. Ловкость Марии Александровны, когда она получала и прятала записки в присутствии жандарма, была изумительной»¹.

Дети понимали, какие переживания и лишения они невольно доставляют матери, и старались хоть чем-нибудь облегчить ее страдания. Владимир Ильич, которого она известила об аресте родных, успокаивал в письме из Женевы: «Ввиду массы арестов, их, быть может, забрали за компанию...»² Марк Тимофеевич, приехавший из Петербурга, где он устроился на службу, хотя и не мог надолго задержаться в Киеве, тоже оказал ей поддержку.

Дмитрий Ильич решительно отказался отвечать следователю на любые вопросы, пока не получит свидания с матерью. Жандармы вынуждены были разрешить ему переписку с ней, а затем и свидания через двойную решетку. Тогда он старается добиться личных свиданий и в прошении к прокурору Киевской судебной палаты так обосновывает это требование: «...Полное одиночество, которое создано для моей матери после ареста меня с женой и обеих моих сестер, действуют на нее, особенно в последнее время, когда у нее появились признаки старой болезни, прямо убийственным образом... Крайне затруднительны свидания за решеткой как вследствие того, что среди шума и разговоров со всех сторон она плохо слышит и сама не может говорить достаточно громко, так и потому, что

¹ Цит. по кн.: Драбкина Е. А. И. Ульянова-Елизарова. М., 1970, с. 84—85.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 234.

ей тяжело подолгу стоять»¹. В конце концов жандармы вынуждены были удовлетворить и это требование Дмитрия Ильича.

Посещая своих детей, Мария Александровна заботилась и об их товарищах по заключению. Мария Ильинична вспоминала: «Мать приезжала к нам в тюрьму из другого конца города, обыкновенно нагруженная пакетами. Она знала, что передачи у нас делятся поровну между сидящими на одном коридоре, и старалась приготовить передачу в таком количестве, чтобы хотя бы на один-два дня достало всем. «Сколько вас теперь на коридоре?» — спрашивала она нас при свидании. И старалась, чтобы в следующую передачу котлет, пирожков и пр., что она нам приготавливала, было как раз по числу заключенных. Это число, однако, часто менялось, и Мария Александровна огорчалась, узнавая, что нас на коридоре уже значительно больше, чем было при последнем свидании, и ее расчеты, чтобы «всем достало», не удались»².

Мария Александровна помогла Дмитрию Ильичу избавиться от одной из серьезных улик. Вот как это было. Жандармы изъяли у него при аресте 500 рублей, правильно полагая, что они являются партийными. «Если бы брат не сумел опровергнуть это их предположение, — вспоминала Мария Ильинична, — деньги были бы конфискованы, да, помимо того, это ухудшило бы его положение, так как явилось бы лишним доказательством его партийной работы... Между тем у Дмитрия Ильича создался план, как выпутаться из истории с деньгами, и он написал матери обычное письмо через жандармов, но в нем сообщил шифром свою просьбу сговориться с мужем Анны Ильиничны, что эти деньги (500 рублей и притом одной бумажкой) он

¹ Цит по кн.: Яроцкий Б. Дмитрий Ульянов. М., 1977, с. 81.

² Ульянова М. И., с. 295.

получил от М. Т. Елизарова заимообразно «на обзаведение». Мария Александровна разобрала это сообщение, хотя раньше ей никогда не приходилось иметь дело с шифром, и она только слышала о нем от нас, передала Марку Тимофеевичу просьбу брата, и тот, спрошенный жандармами по указанию Дмитрия Ильича, показал именно так, как было условлено»¹.

Так, благодаря находчивости матери обвинение сына в хранении партийных денег отпало.

Администрация Лукьяновской тюрьмы провоцировала заключенных на выражение протеста, чтобы еще более ужесточить режим. Взволнованная этим, Мария Александровна 13 марта 1904 года пишет дочерям: «Слышала, что у вас в тюрьме какие-то волнения, что очень беспокоит меня! Говорят, что многие отказываются от свиданья... (далее несколько слов зачеркнуты жандармами.— *Ж. Т.*) не понимаю, кого ж они наказывают этим? Только всех бедных родных, которым без того живется невесело... а для служащих в тюрьме, которые обращаются грубо с заключенными,— только меньше хлопот, если не будет свиданья, они прямо довольны этим...»²

Следствию не удалось найти необходимые доказательства для привлечения сестер Ульяновых к суду, но жандармы продолжали держать их в тюрьме. Марии Александровне невыносимо больно было видеть, как губительно действует шестимесячное заключение на здоровье ее детей. Особенно ослабла Мария, которая из-за нервных потрясений страдала изнурительной бессонницей. Мать подаст несколько прошений, и в июне жандармы выпустили младшую дочь под залог в 300 рублей. Вскоре вышла из тюрьмы и Анна Ильинична. Побыв немного с матерью, она уезжает к мужу в Петербург. Но ей как политической

¹ Ульянова М. И., с. 296.

² Переписка семьи Ульяновых, с. 154.

поднадзорной запрещают там жить. Тогда Марк Тимофеевич приобретает дачу на станции Саблино, в получасе езды от столицы. И Анна Ильипична зовет мать жить к себе. Владимир Ильич, хорошо знавший, каких переживаний стоила матери борьба за освобождение детей, тоже советовал в письме от 2 июля из Лозанны: «Дорогая мамочка!.. Тебе надо непременно отдохнуть летом. Пожалуйста, переберитесь куда-нибудь на лоно природы»¹.

Мария Александровна предпринимает одну попытку за другой вырвать Дмитрия из заточения. Зная, что серьезных улик у жандармов нет, она в одном из прошений пишет: «У сына при обыске отобрана писанная кем-то и данная ему на хранение программа занятий с рабочими.

Полагаю, что семимесячным заключением, полтора месяца из них он был даже продержан в крепости, сын мой достаточно наказан за имение при себе этого листка...

...В Киевском жандармском управлении мне указали на старшего сына, прибавив, что он сильно скомпрометирован.

Старший сын мой живет уже более 10 лет отдельно от семьи и несколько лет за границей, и если он и действительно скомпрометирован, то я не думаю, чтобы сестры и брат его должны были отвечать за его поступки»².

Мария Александровна была права: жандармы в определенной мере мстили ближайшим родственникам лидера большевиков. Что касается Дмитрия Ильича, то полиция надеялась найти подтверждения донесениям шпикиов о его руководящей роли в деятельности киевского подполья. И только 22 ноября Дмитрий Ильич получил свободу. Однако, оставаясь подследственным, он не имел права покинуть Киев.

Мария Александровна переселяется в Саблино.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 235.

² Цит. по кн.: Я р о ц к и й Б. Дмитрий Ульянов, с. 80.

САБЛИНО (1904—1907)

Марии Александровне житье по частным квартирам порядком надоело, и она была рада тому, что Марк Тимофеевич сумел купить на деньги, заработанные на Дальнем Востоке, дачу в Саблине. Одноэтажный деревянный дом был довольно удобным и просторным: в нем нашлись комнаты для нее, Марии Ильиничны и даже для Дмитрия Ильича. Вокруг дома имелся небольшой сад с беседкой. Почти вплотную к забору подходил лес. Привлекательными были и окрестности поселка, и река Тосно с высокими лесистыми берегами.

Но жизнь на лоне природы только внешне казалась спокойной. Чувствовался накал политической обстановки. В ноябре Мария Александровна проводила Марию Ильиничну к Владимиру Ильичу в Женеву. Анна Ильинична с головой ушла в работу столичного комитета большевиков и издание партийных газет. В «Кровавое воскресенье» старшая дочь шла вместе с рабочими к Зимнему дворцу и попала под обстрел царских войск. Марк Тимофеевич, служивший в управлении Николаевской железной дороги, после январских событий стал одним из руководителей забастовочного комитета железнодорожников. В январе в Саблино приехал младший сын, по, погостив немного, уехал на родину, в Симбирск, служить врачом и тоже заниматься партийной работой.

Весна и начало лета 1905 года для Марии Александровны прошли сравнительно спокойно. В июле домой вернулась Мария Ильинична и порадовала мать вестью, что

подъем революции делает возможным приезд из эмиграции Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Сама же Мария Ильинична вскоре по возвращении взвалила на свои плечи огромную работу секретаря Василеостровского райкома и заведование всей «техникой» Петербургского комитета партии, и мать почти не видела ее дома. О том, как Мария Ильинична напряженно трудилась в это бурное время, Анна Ильинична писала Владимиру Ильичу из Саблина в Женеву: «...она бежит, как оглашенная, уезжая отсюда ранним утром и приезжая поздним вечером; сильная нервность и переутомленность сказываются уже сейчас... С секретарством здесь работа дьявольская. Петербургский комитет скорее район комитетов, здесь каждый район больше многих комитетов»¹.

17 октября царь был вынужден издать манифест, провозглашавший политические свободы. Владимир Ильич, как никто другой, понимал, что от этой уступки царизм отречется при первой возможности. Поэтому возвращение в Россию по-прежнему грозит опасностью. Но развитие революции требовало его присутствия на родине. Несмотря на грозившую опасность, Владимир Ильич 8 ноября приехал из Стокгольма в Петербург, но под чужим именем. Через несколько дней вернулась и Надежда Константиновна.

Столичная охранка сразу же стала их выслеживать, и им чуть ли не ежедневно приходилось менять места ночлега. В поисках надежных конспиративных квартир участвовала Мария Ильинична. Как-то Владимир Ильич провел ночь у матери в Саблине, но и здесь появились шпики. И лишь один раз — 1 декабря — он с Надеждой Константиновной прописался легально у П. Г. Воронина, знакомого Марии Ильиничны, на Греческом проспекте.

¹ Переписка семьи Ульяновых, с. 158—159.

Однако, обнаружив за собой слежку, они уже через два дня снова перешли на нелегальное положение.

Какое-то время этой зимой Мария Александровна проживала в Петербурге на Жуковской улице. Владимир Ильич бывал у нее, и это стало известно полицейскому надзирателю, который 11 декабря 1905 года доносил начальству: «Со слов старшего дворника, Ульянов... скрывается на Жуковской ул., там проживает его мать». Владимир Ильич заметил слежку, стал осторожнее, и жандармы не наведывались туда.

Бедя для Ульяновых пришла с другой стороны. В декабре Марк Тимофеевич, представлявший собою, по мнению жандармов, «серьезного противоправительственного деятеля», был арестован за призывы к столичным железнодорожникам помочь восставшим москвичам. Два с половиной месяца продержали его в тюрьме, а затем выслали на три года в Сызрань с подписанием гласному надзору полиции и запрещением в дальнейшем работать на железных дорогах.

В июне Мария Александровна проводила в Сызрань и старшую дочь. Оттуда Марк Тимофеевич и Анна Ильинична перебрались в Самару и там продолжали свою революционную деятельность.

Чуть больше года прожил в Симбирске Дмитрий Ильич: должность санитарного врача была упразднена, и он вынужден был перебраться на временную работу в Синельниково Екатеринославской губернии, а в июле 1906 года занял вакансию заведующего Липитинским земским медицинским пунктом на станции Михнево Рязанско-Уральской железной дороги, находившейся в Серпуховском уезде.

Ни Анна Ильинична, ни Дмитрий Ильич не сообщали матери о вызовах в жандармские управления, а тем более о кратковременном аресте, которому подверглась Анна

Ильинична. Но Мария Александровна твердо знала, что все ее дети уже не мыслят жизни без революционной борьбы, что в это грозное время каждый из них в любую минуту может оказаться за решеткой и нуждаться в ее помощи. Больше всего она беспокоилась за судьбу старшего сына: жандармы постоянно охотились за ним. Поэтому как ни звали ее к себе Анна и Дмитрий, она оставалась в Саблине, дожидаясь того счастливого дня, когда Владимир Ильич навестит ее.

Он не мог часто бывать в Саблине, но когда удавалось выкроить время для отдыха и не было явной опасности, он, к великой радости матери, гостил у нее. Сообщая об одном из таких посещений старшей дочери в Самару, она писала 12 июля 1906 года: «Иногда вечера бывают теплые, и мы устраиваемся тогда с чаем в беседке. Так было в субботу, 8-го приехали наши, В. (Владимир Ильич.— *Ж. Т.*) пошел купаться, а потом посидели в беседке. Пробыли у нас и следующий день, В. ...думал даже погостить у нас с неделю, но газеты в понедельник утром так заинтересовали его, что он и Н. (Надежда Константиновна.— *Ж. Т.*) улетели и Маня с ними... Вы знаете, конечно, давно о печальной участи Думы... Маня вернулась в тот же вечер, она не оставляет меня надолго и 'ночует всегда дома'¹.

А Владимир Ильич и Надежда Константиновна после роспуска правительством Государственной думы были вынуждены перебраться в «ближнюю эмиграцию», в Финляндию. Они поселились на даче «Ваза» неподалеку от вокзала станции Куоккала. После приезда Анны Ильиничны к матери Мария Ильинична смогла некоторое время пожить у Владимира Ильича и привезти все новости о нем матери.

Из Финляндии Владимир Ильич приезжал в Петербург,

¹ Переписка семьи Ульяновых, с. 161.

но с соблюдением правил строгой конспирации. Мария Александровна чаще видела Надежду Константиновну, за которой пипики охотились с меньшей энергией. Вечером 31 декабря 1906 года Надежда Константиновна приехала в Саблино с приглашением вместе встретить Новый год. Мария Александровна не решилась в сплывный мороз, да еще в позднее время, отправиться в дальнюю дорогу. Мария Ильинична поехала и, по словам матери, осталась очень довольна новогодним праздником у Владимира Ильича на даче «Ваза».

Весной 1907 года дом в Саблине был продан. Мария Александровна со старшей дочерью поехала на лето к Дмитрию Ильичу в Михнево. Осенью Анна Ильинична выехала в Германию для розыска некоторых партийных документов, а Мария Ильинична — в Куоккалу к Владимиру Ильичу. С началом зимы сестры с матерью обосновались в Петербурге на Павловской улице, в д. 6, кв. 16. Квартира оказалась холодной и неудобной. Зимой все переболели гриппом. У Марии Ильиничны начался тиф.

Владимир Ильич, вынужденный после поражения революции эмигрировать в Женеву, узнал об этом и 10 марта 1908 года писал оттуда с беспокойством сестре Анне: «Ужасно это, право, что вы попали в сырую квартиру и до такой степени все разболелись. Это беда, что Маняша схватила тиф!.. Марк, собственно, напрасно оставил такую большую сумму из своих подъемных, ибо мне сейчас достаточно платит мой издатель. Само собою разумеется, что ты непременно должна расходовать эти деньги, чтобы лучше устроить Маняшу и маму или помочь им выехать куда-нибудь в лучшее место. Не поехать ли им сюда?»¹

Здоровье Марии Александровны и Марии Ильиничны не позволяло им предпринимать дальнейшее путешествие, и ле-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 249.

то они снова провели в Михневе у Дмитрия Ильича. 27 сентября Мария Александровна сообщила Владимиру Ильичу, что она с Анной и Марией перебирается в Москву, «надумали жить поближе к Мите. Кочую я все это последнее время, пу, да это все пустяки...

Дорогой мой, не слишком ли много сидишь ты за работой,— это вредно для тебя, надо больше отдыхать, гулять, не забывай этого, прошу тебя»¹.

Дела и заботы детей для нее по-прежнему остаются главным в жизни.

¹ Переписка семьи Ульяновых, с. 180.

СНОВА В МОСКВЕ (1908—1910)

Первой приехала в Москву Анна Ильинична. Как обычно, найти удобную и недорогую квартиру удалось не сразу. Поэтому только в октябре, когда завершились основные хлопоты по устройству, она вызывает мать и сестру.

Еще летом было решено и согласовано с Владимиром Ильичем и Марком Тимофеевичем (он служил в Сибири агентом страхового общества), что Мария Ильинична поедет в Женеву, чтобы продолжить учебу, а Анна Ильинична будет жить в Москве и готовить к изданию новую работу брата «Материализм и эмпириокритицизм».

В октябре Мария Александровна проводила младшую дочь, взяв с нее твердое обещание, что она в Женеве непременно будет лечиться от тяжелого последствия тифа — воспаления среднего уха. Уже 17 ноября Владимир Ильич мог успокоить мать сообщением, что Мария Ильинична записалась на прием к «знаменитости по ушным болезням»¹. Одновременно он писал, что, наверно, вскоре переедут все вместе в Париж, где Марии Ильиничне не попадется сдавать экзамены по-латыни, чтобы получить диплом учительницы французского языка. К общей радости, успешно завершились в Москве переговоры Анны Ильиничны об издании новой книги Владимира Ильича.

Зимой в Москве свирепствовала эпидемия гриппа. Не обошла она и Ульяновых. Первой слегла Мария Александровна, затем заболела и Анна Ильинична. Дмитрий Ильич

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 259.

делал все, чтобы поскорее поставить их на ноги. Но организм престарелой матери с большим трудом и довольно долго боролся с недугом. Когда об этом узнали в Париже, Мария Ильинична хотела бросить учебу в Сорбонне и выехать к матери. Владимир Ильич уговорил сестру немного подождать ответа на телеграмму и письмо. Узнав, что кризис миновал, он написал Анне Ильиничне: «Обрадовала нас очень весть, что дорогая мамочка поправилась и начинает вставать. Крепко, крепко ее обнимаю»¹. А в письме от 4 апреля он горячо одобряет намерение Анны Ильиничны поехать с матерью в Крым, отдохнуть и укрепить здоровье. Во время пребывания родных в Алушке у Марии Ильиничны в Париже случился приступ аппендицита. Владимир Ильич, оберегая мать от лишних переживаний, сообщил ей об операции только после выхода сестры из лечебницы.

Осенью Мария Ильинична была уже в Москве, и мать с гордостью рассматривала ее диплом учительницы французского языка. С ее приездом Ульяновы сняли другую квартиру — на Девичьем Поле, в Божепинском переулке. Целый час приходилось добираться на трамваях до центра. Да к тому же квартира оказалась холодной. Владимир Ильич взволнованно пишет из Парижа матери: «Беспокоит меня, что у вас холодная квартира: как это выйдет зимой, если теперь не более 12 градусов? Не простудиться бы тебе... Нельзя ли принять каких-нибудь мер, может быть, поставить маленькую железную печку?»²

В конце января 1910 года Владимир Ильич сообщил подробности аварии, в которую он попал, возвращаясь на велосипеде из пригорода Парижа: какой-то виконт раздавил автомобилем его велосипед, а сам он успел соскочить³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 284.

² Там же, с. 299.

³ См. там же, с. 303.

Конечно, и этот случай взволновал Марию Александровну. Но в эти же дни она была очень обеспокоена бедой, постигшей Дмитрия Ильича. Во время быстрой езды — он спешил к больной дифтеритом девочке — недалеко от станции Михнево на крутом повороте сани опрокинулись, и он полетел в овраг. При этом сломал ногу и вывихнул ключицу. К счастью, благодаря здоровому организму дело на поправку пошло успешно. Владимир Ильич радуется и в очередном письме к матери с юмором замечает: «Да, да, оказывается не только в Париже на улицах с чертовским движением ездить не безопасно...»¹ А брата подзадоривает: «Скоро ли опять ходить и ездить будешь?»²

Письма из Парижа были оптимистичными. Но Мария Александровна сердцем чувствовала, как сын тяжело переживает поражение первой русской революции, с какой яростью он воюет с оппортунистами за восстановление боеспособности партии и как он тоскует по родине, радуясь каждой книге, журналу, газете или подарку, полученным от близких из родного края. Зная об этом, она послала Владимиру Ильичу одну из самых дорогих семейных реликвий — шахматы, выточенные его отцом на токарном станке еще полвека назад.

...Вот уже почти три года, как она в последний раз видела старшего сына. А обстановка в России так и не позволяет ему приехать. Сильно тоскуя и чувствуя, как надвигающиеся годы уносят силы, она решает сама съездить к нему за границу и предлагает встретиться в Стокгольме. Владимир Ильич, давно и страстно мечтавший увидеться с матерью, пишет ей 10 апреля, в день своего сорокалетия: «Насчет нашего свидания в августе было бы это архичудесно, если бы не утомила тебя дорога. От Москвы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 308.

² Там же, с. 311.

до Питера необходимо взять спальный, от Питера до Або тоже. От Або до Стокгольма пароход «Буре» — обставлен отлично, открытым морем идет 2—3 часа, в хорошую погоду езда *как по реке*. Есть обратные билеты из Питера. Если бы только не утомительность железной дороги, то в Стокгольме чудесно можно бы провести неделку!»¹

Однако поездка не состоялась. В ночь на 24 апреля в дверь квартиры Ульяновых застучали полицейские. Мария Ильинична вспоминала впоследствии: «Помню, как мать, которой было в это время 75 лет, быстро, не теряя присутствия духа, обратилась ко мне со словами: «Если у тебя есть что-нибудь, что надо спрятать, дай скорее мне». Я сунула ей спросонья какое-то письмо, которое не успела спрятать раньше, и мы открыли дверь. Хотя обыск был, как обычно, и личный, и обыскивали и мать, но у нее смотрели более поверхностно, и к тому же она так ловко припрятала данное ей мною письмо и держалась так спокойно, что не возбудила ни в ком подозрения»².

Полиция в этот раз не нашла ничего «преступного», но Марию Ильиничну все-таки увели в охранное отделение. Мать с горечью писала старшей дочери в Саратов: «Понятно, что эти «гости» меня страшно встревожили... В четвертом часу дня Маия возвращается; упростила начальника охранного отделения отпустить ее домой, так как очень тревожится о матери.

Просьбу ее выполнили, говоря, что пока нет серьезных улик против нее, а только подозрение и что 3 дня она должна проводить под арестом дома. Поместили к нам 4-х полицейских чинov: двое в прихожей и 2-е отчасти в зале или в кухне. Письма, полученные в эти дни на Марию или мое имя, отправлялись в участок или в охрану: мы

¹ Лепин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 311—312.

² Ульянова М. И., с. 296.

писать никуда не могли... Маня стала сейчас сумрачнее... Услыхала случайно о массовых арестах здесь и приуныла... упрасивает меня вызвать тебя телеграммой, если ее арестуют... Жаль тревожить тебя, дорогая моя! Вот сейчас 2 ч., а Мани все нет. Зпасешь, если она вернется и ей разрешат ехать в Ф[инляндию], буду телеграфировать тебе тотчас же: «Маня едет», если ж нет — телеграфирую: «Мама одна», и ты сама решай, как тебе удобно поступать»¹.

Мария Ильинична, к счастью, вернулась через пару часов после того, как мать закончила в письме свой рассказ о заключениях в связи с налетом полиции. Много лет спустя Мария Ильинична дополнила его эпизодом, показывающим, как ей тогда помогла мать: «Она стерегла, чтобы в нашу комнату никто не зашел, и следила за тем, что делают охранники, а я забралась на окно и старалась откинуть проходящих ко мне знакомых. Приходилось просиживать на окне часами, соскакивая каждый раз по знаку, который мне подавала мать, но все же с ее помощью мне удалось дать знать ряду лиц, направляющихся в нашу квартиру, о том, что у нас полиция и чтобы они повернули вспять»².

В конце концов полицейская засада была снята. И как только Марию Ильиничну отпустили, она выехала в Финляндию, в поселок Ипо-Неми, где еще раньше нашла себе место домашней наставницы в семье прогрессивного инженера В. А. Савельева. Проводив дочь, Мария Александровна отправилась к младшему сыну в знакомое Липитино, а оттуда с подъехавшей Анной Ильиничной в деревню Леппенено, близ станции Териоки Финляндской железной дороги, на отдых. Это дачное место находилось недалеко

¹ Переписка семьи Ульяновых, с. 224—225.

² Ульянова М. И., с. 297.

от поселка, где работала Мария Ильинична, да и поближе к Стокгольму...

На исходе лета Владимир Ильич сообщил родным адрес, по которому он будет проживать в столице Швеции в ожидании их приезда, а письмо к матери закончил словами: «До скорого свидания!»¹

Долгожданная встреча состоялась 31 августа. В тот же день Мария Александровна писала старшей дочери: «...погода была прекрасная. Пароход опоздал и подошел к Стокгольму в начале 10-го. Мы стояли с Маней у самого барьера и вскоре увидели Володю. Я не узнала бы его, если б Маруся не указала. Она прямо взвизгнула от радости, когда увидала его... Я нашла его очень похудевшим и изменившимся, но он уверяет, что чувствует себя очень хорошо. Сняли 2 комнаты: одна, побольше, для меня и Мани, другая — для него, очень хорошенькие и чистые, не высоко подниматься. Снял он их на 12 дней. Ходили вместе обедать...»²

Какое это было счастье: впервые за многие годы — без опаски и оглядки — всем вместе ходить по людным улицам! Владимир Ильич, знавший город сравнительно неплохо, служил матери и сестре переводчиком и экскурсоводом. Погода стояла прекрасная, и они совершали дальние прогулки, заходили в зоологический сад и музей. Но Мария Александровна видела, что сын не прекращает работы и здесь: занимается в Королевской библиотеке, выступает с докладом на собрании социал-демократических групп, ведет переписку по партийным делам, пишет реферат «Международный социалистический конгресс в Копенгагене и его значение»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 316.

² Переписка семьи Ульяновых, с. 232.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 567—568.

11 сентября он выступил с этим рефератом на собрании большевистской группы. Мария Александровна пришла послушать сына. И здесь впервые в жизни он предстал перед ней как пламенный трибун. «И мне казалось,— писала Мария Ильинична,— что, слушая его, она вспоминала другую речь, которую ей пришлось слышать,— речь Александра Ильича на суде. Об этом говорило ее изменившееся лицо. Но она слушала Владимира Ильича с большим вниманием, очевидно, сильно волнуясь. «Он хорошо говорил, так сильно и красноречиво,— сказала она мне потом,— только зачем он так сильно напрягается, так громко говорит,— это ведь так вредно. Не бережет он себя!»¹

Она заботилась о его здоровье, но понимала, что он не может говорить спокойно о наболевших вопросах революционного движения. И гордилась, что аудитория слушает сына внимательно и верит ему.

На следующий день после памятного выступления они покидали Стокгольм. Владимира Ильича ждали в Копенгагене, где он обещал выступить перед группой русских эмигрантов-рабочих. Мать с дочерью возвращались домой. Вспоминая грустную сцену расставания с братом, Мария Ильинична писала: «Сильно запало в памяти выражение его лица, когда он, стоя на пристани — на пароход он не мог войти, так как этот пароход принадлежал русской компании и его могли там арестовать,— смотрел на мать. Столько боли было тогда в его лице! Марии Александровне уже исполнилось 75 лет, и так мало вероятно было, что ему еще когда-нибудь удастся повидать ее»².

По возвращении в Москву мать и дочь готовятся к отъ-

¹ Ульянова М. И., с. 299.

² Там же, с. 300.

езду в Саратов. Для этого имелось несколько причин. Дмитрий Ильич, под предлогом поправки здоровья, уже начал хлопоты по переезду в Крым, с тем чтобы под прикрытием врачебной деятельности помочь укреплению там большевистских организаций. Елизаровы сравнительно прочно обосновались в городе на Волге, и для Марии Ильиничны там тоже имелось большое поле для подпольной работы. В начале ноября 1910 года состоялся переезд в Саратов.

САРАТОВ (1910—1913)

Первые месяцы Ульяновы и Елизаровы жили в доме 7 по Панкратьевской улице (ныне Мичурина, 66). Весной 1911 года они перебрались на Угодниковскую (теперь Ульяновская), в дом 26. Удобно было, что квартира имела черный ход — легче было скрываться от бдительного ока полиции.

Марк Тимофеевич служил агентом страхового общества «Саламандра» и часто бывал в командировках. Мария Ильинична не без помощи местных большевиков устроилась в городской управе. Анна Ильинична вела домашнее хозяйство и готовила приехавшую из Самары племянницу мужа Надю Голубятникову к сдаче экстерном экзаменов за курс женской гимназии. Немало забот появилось у Анны Ильиничны по воспитанию четырехлетнего мальчика Горы Лозгачева, сына местного дворника.

Местная охранка с самого начала была проинформирована, что Ульяновы и Елизаровы — это родные В. И. Ленина, что супруги Елизаровы и Мария Ульянова — большевики. Поэтому слежка за ними велась весьма тщательная. Однако сестры Ульяновы обладали настолько богатым опытом конспиративной работы, что им удалось к весне 1911 года восстановить трижды разгромленный большевистский центр. Они умело использовали и подпольные и легальные методы: боролись за активизацию деятельности профсоюзов, вели пропаганду среди рабочих, печатали обличительные статьи на страницах «Приволжской газеты», организовали сбор средств в пользу политзаключен-

ных. Активно участвовал в партийной работе и Марк Тимофеевич.

После долгих мытарств в начале мая Дмитрий Ильич с большим трудом получил место санитарного врача в Феодосии. Узнав, что здоровье матери внушает тревогу, он настоял, чтобы Анна немедленно выехала с нею на лечение в Бердянск. В конце того же месяца Мария Александровна и Анна прибыли в этот небольшой городок на берегу Азовского моря. Но и здесь пришлось снимать три квартиры: одна оказалась неудобной, а хозяин другой, узнав, что у него поселились мать и сестра известного революционера, предложил освободить жилье. И только в квартире инспектора училища В. Н. Дегтярева, человека прогрессивных взглядов, они обрели покой. Анна Ильинична сообщает об этом сестре Марии в Териоки 25 июня: «Пишу опять с новой квартиры. Ох, надоело как менять! Вот адрес: **Городское 4-классное училище**, на углу Пушкинской, квартира инспектора... Мамочка начала уже спускать т° ванны и скоро, вероятно, перейдет к морю»¹.

Как-то к Дегтяреву пришел молодой человек Т. Н. Шарков для сдачи экзаменов на звание учителя. Свой реферат «Пушкин и декабристы» он прочитал в присутствии Ульяновых. Когда Мария Александровна узнала, что Шарков уже учительствует на селе, она с одобрением сказала: «Мой муж был учителем и всегда хвалил педагогическую работу, считал ее великим делом. Я того же мнения. Любая работа хороша, но самая благородная — учить детей»².

Находясь на юге, Мария Александровна и Анна по-прежнему выполняли роль связующего звена между всеми членами семьи: в Бердянск шли письма из-за границы от

¹ Переписка семьи Ульяновых, с. 242.

² Цит. по кн.: Кривошей М. Ф. Музей семьи Ульяновых в Бердянске. Днепропетровск, 1980, с. 9.

Владимира, из Феодосии от Дмитрия, из Выборга от Марип и из Саратова от Марка Тимофеевича. Насколько интенсивной была переписка, можно судить по отрывку из письма Марии Ильиничны от 23 июля к матери: «Вчера получила я два твои письма от 14-го и 15-го, письмо с вложением Володиного тоже получила...»¹

В августе Мария Александровна была в Саратове, куда приехала жить и младшая дочь. Анна с мужем под предлогом лечения отправились к Владимиру Ильичу. Зимовали Ульяновы и Елизаровы опять все вместе. Мать видела, что ее дети поглощены общественной деятельностью, волновалась за них и помогала им. К несчастью, в подполье сумел проникнуть провокатор, который выдал жандармам руководство саратовского большевистского центра.

В ночь с 7 на 8 мая 1912 года полицейские и шпики подошли к подъезду дома, где жили Ульяновы и Елизаровы, и под угрозой взломать дверь потребовали немедленно открыть ее. Когда их впустили, то они быстро рассыпались по квартире и установили наблюдение за каждым членом семьи. Больную, взволнованную Марию Александровну они изолировали в ее комнате и приставили к двери часового. Рано утром полиция увела Марию Ильиничну и Анну Ильиничну, оставив одну, полную отчаяния, их мать.

Мария Александровна стойко выдержала новый удар. В тот же день она написала брату М. Т. Елизарова: «Пишу Вам, Павел Тимофеевич, по поручению Ани, которая очень просит Вас сообщить Марку следующее: в ночь с 7 на 8 мая нагрянула к нам полиция для обыска, предъявила бумагу из охранного отделения с требованием арестовать Марка, Аню и Марусю, даже в том случае, если ничего предосудительного, запрещенного найдено не будет!

Аня просит Вас очень передать это письмо по возмож-

¹ Переписка семьи Ульяновых, с. 245.

ности скорее Марку и сказать ему, что она советует и просит его не спешить с приездом сюда. Беспокоимся за его здоровье... Прибавлю еще, что при обыске не было ничего найдено, только у Маруси один номер газеты «Звезда». Нагрянули 15 человек, обыскивали с 12 часов почти до 6 часов утра, перерыли все, снимали чехлы с мебели, развинчивали печки, искали в кухне, на чердаке, мы не спали всю ночь, ничего... наконец, предложили нашим собираться»¹.

Когда же Марии Александровне стало известно, что Марк Тимофеевич уже плывет в Саратов, она поехала на пристань к пароходу, с которым зять должен был прибыть, предупредила об арестах и посоветовала уехать куда-нибудь па время.

Об аресте дочерей Мария Александровна сообщила Владимиру Ильичу. Он откликнулся теплым письмом от 27 мая: «Дорогая мамочка! Вчера вечером приехал в Париж из маленькой поездки по делам и нашел твое письмо с печальной вестью об Анне и Маняше. Я уверен, что долго продержать их не смогут: слишком очевидна нелепость такого ареста. Дошло до того, что Анюте прямо говорят: ненадолго! Вероятно, в теперешние времена в провинции хватают совсем зря, «на всякий случай».

Есть ли у тебя знакомые, моя дорогая? Навещает ли кто-нибудь? Хуже и тяжелее всего в таких случаях внезапное одиночество. Есть ли письма и вести от Марка и Мити?»²

Через пять дней Владимир Ильич вновь выразил надежду, что Анна Ильинична вскоре будет дома. «Но если аресты особенно широки, — продолжал он успокаивать

¹ Цит. по кн.: Елизаров П. П. Марк Елизаров и семья Ульяновых. М., 1967, с. 98.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 324.

мать, — то может пройти некоторое время просто на то, чтобы разобрать, рассортировать всех арестованных». Обращаясь с просьбой сообщать ему о новостях, он добавил: «Может быть, при более частой переписке ты будешь чувствовать себя все же несколько менее тоскливо»¹.

Как ни тяжело было Марии Александровне, она вела борьбу за освобождение Марии и Анны. Но сказывались годы — ей шел 78-й, преследовали болезни и постоянные тревожения из-за слежки за ее детьми: когда она пошла в жандармское управление хлопотать о дочерях, силы изменили ей, и ей сделалось дурно. «Возможно, что вследствие этого Анна Ильинична, об участии которой в местной с.-д. группе у жандармов не было данных, была скоро освобождена»², — писала Мария Ильинична.

Это был конец мая. Жара в то лето в Саратове стояла необычайная — воздух в тени накалялся до 50 градусов. И именно в это время пришлось сменить квартиру — переехать в небольшой кирпичный дом на Царевской улице (ныне Пугачевская, 78). Мария Александровна чувствовала себя неважно, и Анна Ильинична решила ее вывезти на Ижевский завод, где жила племянница матери М. А. Грачевская. Эта поездка, на которой настаивали и Мария Ильинична, и Владимир Ильич, началась 12 июня.

Пятидневное путешествие на пароходе по Волге и Каме, пребывание в прохладном Ижевске и прогулки по окрестным лесам улучшили самочувствие Марии Александровны. Но, несмотря на все уговоры родных, она уже в конце месяца вернулась в Саратов, чтобы быть рядом с младшей дочерью.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 327.

² Ульянова М. И., с. 297.

Мария Ильинична за время заключения в крохотной одиночке похудела, у нее началось малокровие. Мать и сестра предпринимали все, чтобы усилить питание; советовали требовать дополнительной прогулки в тюрьме и больше заниматься гимнастикой; регулярно приносили ей и всю необходимую литературу для самообразования и развлечения.

В октябре следствие по делу 16 активнейших саратовских большевиков закончилось. Марии Ильиничне назначили три года ссылки в Астраханскую губернию, но, по просьбе матери, ее заменили Вологодской. Владимир Ильич писал в связи с этим матери: «Беспокоиться тебе за Маню, я думаю, не следует: Вологда лучше Астрахани в климатическом отношении (там заразные болезни сильнее и опаснее); знакомые пайдутся. Город все же не очень далек от Питера и Москвы. Наверное, питерские газеты на другой день приходят»¹.

Мария Александровна предприняла все меры, чтобы уберечь большую дочь от путешествия в арестантском вагоне. И кроме того, добилась, что министр внутренних дел разрешил Марии Ильиничне пробыть у нее в Саратове две недели. В далекий путь Мария Ильинична выехала 18 ноября в сопровождении конвоира. Вместе с ней поехал Марк Тимофеевич, чтобы на первых порах помочь там устроиться. Мать сама рвалась в Вологду, но Анна Ильинична с трудом уговорила ее отложить эту трудную поездку до весны.

Согласиться-то она согласилась, но тревога за младшую дочь ни на один день не покидала ее: Мария была совершенно одинока, так как никто из саратовских товарищей не попал в Вологду. Мать и сестра часто писали ей, переправляли письма Владимира Ильича и Дмитрия Ильича,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 330.

посылали литературу, советовали заняться переводами и музыкой, найти себе место домашней учительницы французского языка, больше бывать на воздухе.

У Марии Александровны не хватало сил ждать встречи с Марией Ильиничной до весны. И уже в начале 1913 года она просит дочь подыскать такую квартиру в Вологде, чтобы и она с Анной Ильиничной могла там пожить. Ранней весной мать со старшей дочерью съездили в Феодосию навестить Дмитрия Ильича, которого давно не видели, а 1 июня вместе с Анной Ильиничной и Горой были уже в Вологде.

ВОЛОГДА (1913—1914)

Анна Ильинична пробыла в Вологде до осени, а потом уехала в Петербург, где появилась возможность работать секретарем редакции нового легального марксистского журнала «Просвещение». Марк Тимофеевич, занявший должность контролера Российского транспортного и страхового общества, колесил по Сибири и Приуралью, при первой возможности навещая родных в Петербурге и Вологде.

Марии Ильиничне пришлось дважды менять квартиры, пока они с матерью не нашли более или менее удобную — на Московской улице в доме Самарина. Сообщая в письме этот адрес жене Дмитрия Ильича в Феодосию, Мария Александровна с грустью заметила, какая это скучная и утомительная вещь укладываться для переезда в новое жилье и сколько раз пришлось ей это делать в нынешнем, 1913 году...

Постепенно Мария-Ильинична сблизилась с колонией политических ссыльных и уже к началу 1914 года стала фактическим руководителем довольно сильной большевистской группы. Как и раньше, она много занималась самообразованием. Владимир Ильич из Кракова, а затем из Поронина посылал ей в Вологду необходимую литературу, делился в «химических» письмах новостями политической жизни. Петербургский комитет большевиков и Заграничное бюро большевиков при каждой оказии пересылали для Марии Ильиничны нелегальные журналы, газеты и листовки, которые она распространяла среди своих единомышленников.

Летом, добившись разрешения властей, Мария Ильинична вывезла мать на отдых в деревню Раскопино, близ разъезда Молочного по Северной железной дороге.

Приближалась долгожданная пора расставания с Вологдой — в сентябре заканчивался срок ссылки. Но в это время в Петербурге при захвате склада «Правды» в руки жандармов попал список адресов, по которым рассылалась газета. В нем значился и адрес Марии Александровны Ульяновой в Вологде в доме Самарина. Было предписано произвести у нее обыск.

Полиция ночью нагрянула в дом, где проживали Ульяновы в Раскопине. Исправник, который решил сделать все «по закону», несмотря на то, что видел перед собой старую женщину, предложил Марии Александровне отдать все нелегальное, что у нее имеется. Мария Ильинична позднее вспоминала: «Находившаяся в то время у нас Анна Ильинична оборвала его словами: «Да вы что, издеваетесь? Вы не видите, с кем вы разговариваете?» Исправник несколько смутился, но в оправдание свое заявил, что он обязан сделать все «по форме». В результате он забрал с собой паспорт матери и почти все имевшиеся у нас легальные книги...»¹ Но в одной из кадушек, находившихся в сарае, были найдены нелегальные журналы и газеты. Марию Ильиничну увезли в Вологду и произвели обыск в ее городской квартире. Она успела убедить старшую сестру немедленно уехать в Питер, чтобы не «влететь» в дело.

Мария Александровна осталась одна в деревне. «Каково же было мое изумление, — вспоминала Мария Ильинична, — когда, сойдя с поезда (на разъезде Молочном. — Ж. Т.), уже почти ночью, я увидела на вокзале мать, которая поджидала меня. Дома она не могла усидеть: ее слишком беспокоил результат моей поездки, она хотела как можно скорее знать, что со мной, и для этого отправилась

¹ Ульянова М. И., с. 298.

на вокзал ночью, хотя и не знала, что меня отпустят, и там поджидала в течение долгого времени»¹.

Не успели улеяться волнения с обысками, как стало известно, что началась мировая война. Одно за другим тревожные известия стали поступать и к Ульяновым. 22 июля Дмитрий Ильич написал матери, что он призван в армию и назначен врачом военного госпиталя в Севастополе². На следующий день Марк Тимофеевич, находившийся в Питере в связи с переходом на службу в страховое общество «Волга», сообщил Анне Ильиничне о разгуле ультрапатриотизма и арестах знакомых большевиков³.

Восьмого августа в газете «Русское слово» появилась заметка об аресте многих русских эмигрантов в Австрии и Германии. В числе их оказался «известный с.-д. Ленин, задержанный в Кракове. К арестованным применен суровый режим, применяемый в Германии к арестованным по подозрению в шпионстве... У арестованных конфискована переписка с Россией».

Некоторое время Анне Ильиничне и Марии Ильиничне удавалось скрывать от матери это сообщение, и она, не получая давно от Владимира Ильича писем, полагала, что он находится в Стокгольме. Когда все же узнала правду, была потрясена. Дмитрий Ильич успокаивал и одновременно просил мать в письме от 15 августа: «Очень бы хотелось верить, что известие то в Р. С. оказалось неправильным, если ты что-нибудь выяснила, пожалуйста, напиши»⁴. Но не так-то просто было выяснить справедливость газетной заметки, когда линия фронта прервала обычную связь между странами.

В это же тревожное время 21 августа на основании материалов обыска и дознания, по распоряжению вологод-

¹ Ульянова М. И., с. 208.

² См.: Переписка семьи Ульяновых, с. 331.

³ См. там же, с. 332.

⁴ Там же, с. 335.

ского губернатора Мария Ильинична была заключена в тюрьму на один месяц.

Обессиленная невзгодами последнего времени, Мария Александровна захворала и пролежала в постели три недели. Оправившись от болезни, она вместе с Анной Ильиничной готовится к отъезду из Вологды: возвращает знакомым взятую в займы мебель, упаковывает вещи. Использует каждую возможность свидания с младшей дочерью, передает ей теплую одежду, продукты, книги, пишет письма.

Мария Александровна вполне сочувствовала деятельности детей, но у нее было желание и самой делать что-нибудь. Мария Ильинична писала: «Помню, как она поразила меня как-то в Вологде — ей было уже почти 80 лет — сказала мне: «Не хочется жить без дела, поехала бы я куда-нибудь в деревню, учить крестьянских детей грамоте»¹.

В середине сентября Ульяновы через Марка Тимофеевича наконец-то получили весть от Владимира Ильича о том, что он на свободе и будет жить в нейтральной Швейцарии, в Берне. Выражая общую радость, что теперь он вне опасности, Анна Ильинична в письме от 19-го просит Владимира Ильича не сообщать матери о случае ареста в Австрии, чтобы она вновь не переживала за него².

Через три дня Мария Ильинична вышла из тюрьмы. В этот же день, 22 сентября, истек и срок ее ссылки. На семейном совете решили, что Анна Ильинична с матерью и Горой поедут в Петроград, где находился Марк Тимофеевич. Мария Ильинична, хотя бы некоторое время, побудет в Москве — так требовали интересы партийной работы.

В начале октября Ульяновы покинули Вологду.

¹ Ульянова М. И., с. 301.

² См.: Переписка семьи Ульяновых, с. 338.

ПЕТРОГРАД (1914—1916)

Мария Александровна с семьей старшей дочери поселилась в Петрограде на Греческом проспекте, на котором в 1905 году квартировал Владимир Ильич. Здоровье ее поправлялось медленно. Но в письмах к детям она ни на что не жаловалась, а сама старалась приободрить их. Как и раньше, мать подробно рассказывала каждому о новостях в жизни их братьев и сестер, так далеко разбросанных друг от друга.

Так, в письме от 16 декабря 1914 года она напоминает младшей дочери адрес Дмитрия Ильича, просит чаще писать ему и Владимиру Ильичу. Не забывает сообщить, что Владимир Ильич работает над новой книгой (имеется в виду книга «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки»), а Анна Ильиновна уже начала переговоры с книгоиздателями об условиях издания.

Письма от Владимира Ильича и Надежды Константиновны шли в Петроград долго, а некоторые, как догадывалась Мария Александровна, вообще пропадали. Зато когда она получала из Берна письмо или открытку, то этот день становился для нее праздником. Зная, как сына и невестку, находившихся восьмой год в эмиграции, интересуется буквально все, что происходит на родине, она выписала на их адрес в Берне «Речь», а в письме от 15 февраля 1915 года спрашивала у Владимира Ильича: «Не желаешь ли еще какую-нибудь газету?»¹ А сама сообщала: «Марк вер-

¹ Переписка семьи Ульяновых, с. 351.

нулся с неделю из продолжительной поездки, был в Ялте и Севастополе, провел сутки у Мити... Маня не расстается с Москвой, где ей очень правится, и знакомых много и уроки нашла... Как рада была бы я повидать вас. Будьте здоровы, дорогие мои, пишите, пожалуйста, почаще...»¹

Мария Ильинична училась в это время на курсах сестер милосердия при институте имени Морозовых в Москве. И конечно, занималась партийной работой; хлопотала, в частности, об издании произведений Владимира Ильича, распространяла его тезисы «О войне». В письмах к матери и сестре она обещала после сдачи экзаменов приехать повидаться с ними. Однако обстоятельства сложились иначе: в середине апреля она в составе лечебно-питательного отряда выехала на фронт в Галицию.

Как только Мария Ильинична сообщила родным, что отряд остановился во Львове, мать тот час же садится за письмо, в котором пишет: «...смотрели с Аней на карте, по какому маршруту поедете, вероятно на Киев», и чуть ли не с мольбой просит дочь «быть осторожнее, беречь здоровье...»².

Оснований для волнения было более чем достаточно. Ведь, кроме всего прочего, за всякую попытку антиправительственной пропаганды дочери теперь грозил военный суд. Письма ее из Львова, Тисмениц и Новограда-Волынского очень крапки, их главная цель — убедить мать и сестру, что она здорова, имеет хороших знакомых и среди них писателя А. С. Серафимовича, а перерывы в переписке были и будут только из-за трудностей почтовых сообщений. И вдруг — радостная весть. 24 июня Мария Ильинична написала, что она подъезжает к Москве; завершит

¹ Переписка семьи Ульяновых, с. 351.

² Там же, с. 359.

здесь некоторые дела, а потом сможет приехать в Петроград повидаться!¹

Мария Александровна в это время чувствовала себя нездоровой, и приезд младшей дочери придал новые силы — ей стало лучше. Свидание, к сожалению, было кратковременным, так как служба требовала возвращения Марии Ильиничны в Москву.

Дмитрий Ильич по-прежнему находился в Севастополе. Здоровье матери его беспокоило, и он был доволен, что Анна Ильинична вывезла ее летом в поселок Лыкошино под Петроградом. Когда же старшая сестра сообщила, что мать очень хочет его видеть, посоветоваться как с врачом, то в августе 1915 года он выхлопотал себе недельный отпуск.

В конце лета Анна Ильинична сняла квартиру на Петроградской стороне на Широкой улице в доме 48/9. Владимир Ильич в письме к матери от 7 октября беспокоится: «Хорошо ли устроились на зиму? Здорова ли ты и теплая ли квартира?»² Зная, что она волнуется, как бы у Надежды Константиновны не повторилось обострение базедовой болезни, Владимир Ильич успокаивает: «Надя поправилась недурно; прошли сердцебиения; могла даже на горы ходить...»³ Как всегда, он интересуется делами сестер, брата и Марка Тимофеевича, благодарит за присылку книг и выписку газеты.

Квартира на Широкой требовала много дров, а они во время войны сильно подорожали. Мария Александровна часто зябла и закутывалась потеплее. И все-таки она чувствовала себя даже лучше, чем пропедшим летом. О ее жизнерадостном настроении говорят строки из письма к младшей дочери от 10 ноября: «Еще раз *mersi* за ноты,

¹ См.: Переписка семьи Ульяновых, с. 372.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 361.

³ Там же,

играю их с удовольствием, и «Колокольчик» (романс А. А. Гурилева «Однозвучно гремит колокольчик». — Ж. Т.), хотя выходит хуже, чем у тебя, и другое, — очень красивые вариации. Музыка — лучшее удовольствие для меня теперь. Читаю также, Аня берет книги из библиотеки...»¹ Через два месяца, 10 января 1916 года, она вновь сообщает, что много играет на рояле и читает, в том числе и на французском языке. Передает она и приятную новость: «Аня слышала от знакомой, бывшей у Володи, что у него здоровый, веселый, бодрый вид. Рада этому, писала ему, просила прислать фотокарточку»².

К концу зимы Марии Александровне стало хуже. 17 февраля она призналась Дмитрию Ильичу, к которому относилась с большим доверием как к доктору, что часто болеет и была бы счастлива, если бы он вновь смог приехать. Лечивший ее петроградский врач нашел расширение аорты на почве склероза. Появились частые приступы одышки — следствие бронхита и воспаления легких. Стало трудно ходить. 23 февраля Мария Александровна писала: «На тебя, дорогой Митя, надежда моя. Похлопочи хоть о коротком отпуске, ты говорил, что на пасхе легче разрешат его. Надеюсь, что ты поможешь мне, и я оживу!»³ Но Дмитрий Ильич не мог выполнить просьбу матери: контрразведка пронюхала о его революционной деятельности в Севастополе, и только собственная болезнь спасла его на время от ареста.

На исходе марта здоровье Марии Александровны улучшилось, и она стала ходить по компате. Анна Ильинична с облегчением сообщает сестре: «Рвется гулять и мечтает о поездке по Волге летом. Получили две карточки от

¹ Переписка семьи Ульяновых, с. 392.

² Там же, с. 402.

³ Там же, с. 408.

В-ди (Владимира Ильича.— *Ж. Т.*),— одну для тебя»¹. 28-го числа мать сама написала младшей дочери о желании проехать по Волге и пригласила ее участвовать в путешествии: «Заедем и в Симбирск...»²

Мария Александровна никогда не была истовой верующей. Еще в Симбирске ходила в православную церковь или немецкую кирху скорее «ради приличия», чем по зову сердца. В Москве посещения церквей были, но очень редко. Вернувшись как-то из Иверской часовни, она поделилась с сыном Дмитрием неприятными впечатлениями. «Какие они жадные, толстые, паглые,— говорила она о монахах,— как они нахально выпрашивают деньги. Один их вид может побудить людей перестать верить». Теперь же, будучи в весьма преклонном возрасте, она с пренебрежением говорила даже и о загробной жизни: «Это все сказки, ничего там нет. Хорошо бы умереть тихо, как заснуть»,— прибавляла она»³.

Сестры не сообщали Владимиру Ильичу всей правды о состоянии матери, и он надеялся, что с приходом весны она окрепнет. «Надеюсь, у вас нет уже больших холодов и ты не заблешь в холодной квартире? — писал он матери 12 марта.— Желаю, чтобы поскорее было тепло и ты отдохнула от зимы»⁴.

В самом деле, когда в апреле Мария Ильинична приехала к матери, та ходила гулять в садик возле дома. В мае Елизаровы сняли дачу в деревне Южки под Петроградом и вывезли туда Марию Александровну. Через месяц ей стало плохо, и Анна Ильинична вызвала сестру из Москвы. Пятого июля она телеграфировала брату в Севастополь: «Мама больна. Без сознания. Приезжай». Но, как потом выяснилось, цензура задержала эту телеграмму.

¹ Переписка семьи Ульяновых, с. 410.

² Там же, с. 413.

³ Ульянова М. И., с. 292.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 364.

В одип из ясных солнечных дней она отдыхала в саду, полулежа в кресле. «А Володе и Мите написали?» — вдруг спросила она дочерей. Они стали ей пересказывать содержание писем, полученных от братьев. «Да, да, — кивнула мать, — я помню...» Где-то в глубине души она все еще надеялась увидеть сыновей. Увы, этому уже не суждено было сбыться. 12 июля перестало биться сердце Марии Александровны. Ее похоронили на Волковом кладбище, рядом с могилой дочери Ольги.

Дмитрий Ильич не получил скорбной телеграммы. Анна Ильинична так описывала ему последние дни жизни матери: «Она была все время очень кротка и благодарила за всякую мелочь. В начале болезни она сказала: «Дай мне что-нибудь, ну, облатку, — ты знаешь что, — я хочу пожить еще с вами!»... Для за два до смерти она сказала: «Куда же папа наш ушел?!», а в день смерти: «Где же наш Митек?» — В день смерти я принесла ей цветок из сада, и она улыбнулась так оживленно...»¹

Незадолго до кончины Мария Александровна, как вспоминала Мария Ильинична, сказала: «Если бы можно было проснуться через несколько десятков лет и посмотреть, что будет тогда на земле, как будут жить тогда люди». Ни она, ни мы не предполагали тогда, что не только через несколько десятков лет, но уже через несколько месяцев наступит так долгожданная революция и свобода, за торжество которой погибло так много лучших людей. Всего несколько месяцев не дожила Мария Александровна до февраля 1917 года, до возвращения Владимира Ильича из эмиграции. А какой радостью было бы для нее видеть свободу в России, каким хорошим завершением ее прекрасной жизни явилось бы это!»²

¹ Переписка семья Ульяновых, с. 424.

² Ульянова М. И., с. 302.

Владимир Ильич приехал в Петроград поздним вечером 3 апреля 1917 года. Ночью он несколько раз выступал перед восторженно встречавшими его рабочими, солдатами и матросами, активом большевистской партии и только к утру добрался с Надеждой Константиновной до дома на Широкой, где жили сестры и М. Т. Елизаров.

Впереди предстоял напряженный день, и он использовал оставшееся в его распоряжении утро, чтобы посетить Волково кладбище, где покоился прах матери и сестры Ольги. Могилу Марии Александровны он еще ни разу не видел и приближался к ней с трепетным волнением. Находившийся в эти минуты рядом В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Всегда сдержанный, всегда владевший собой, всегда серьезный и задумчивый, Владимир Ильич не проявлял никогда, особенно при посторонних, интимности и задушевности своих чувств. Но мы все знали, как нежно и чутко относился он к своей матери, и, зная это, чувствовали, что тропинка на Волковом кладбище, туда, к этому маленькому холмику, была одной из тяжелых дорог Владимира Ильича»¹.

Да, невозможно было примириться с мыслью, что нет уже самого дорогого человека. Но навсегда остались в памяти ее глубокая вера в лучшее будущее родной страны, жизнерадостность, душевность, чуткость, сердечное и внимательное отношение к людям.

«Да будет славно имя — имя Марии Александровны Ульяновой — и имя ее да не забудется из рода в род, из поколения в поколение нашего и всемирного революционного боевого пролетариата, ведущего классовую борьбу за свободу угнетенных народов не на жизнь, а на смерть.

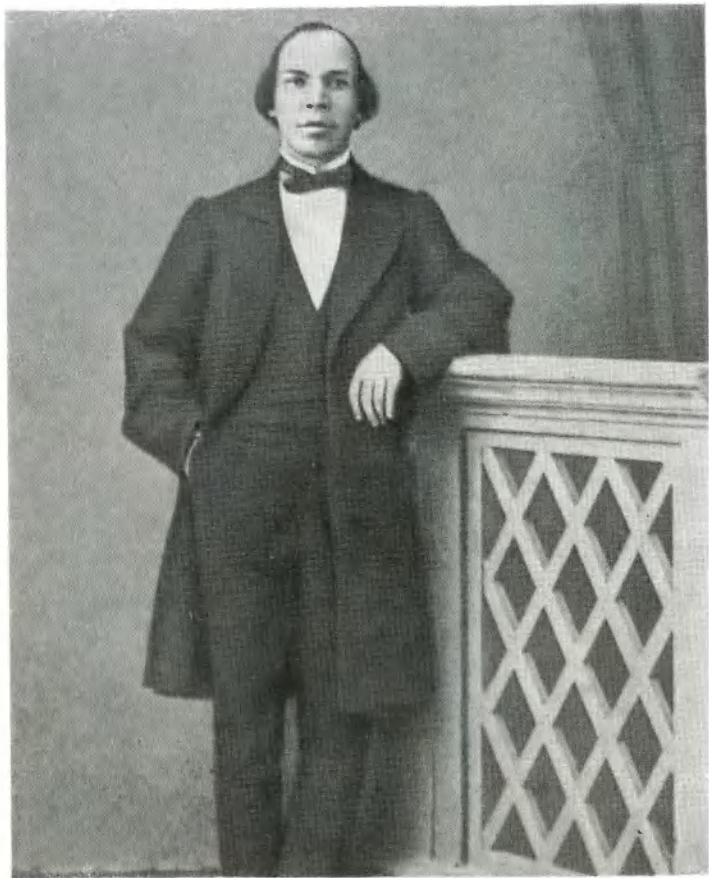
Она — она мать Владимира Ильича!»²

¹ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969, с. 66.

² Там же.

М. А. Ульянова — мать В. И. Ленина в год замужества.
Пенза, 1863 г.

И. Н. Ульянов. Пенза. 1863 г.

М. А. Ульянова с дочерью Анной. 1865—1866 гг.
Нижний Новгород.

М. А. Ульянова. Нижний Новгород. 1865—1866 гг.

Дом Ульяновых в Симбирске на Московской улице.
Современный вид.

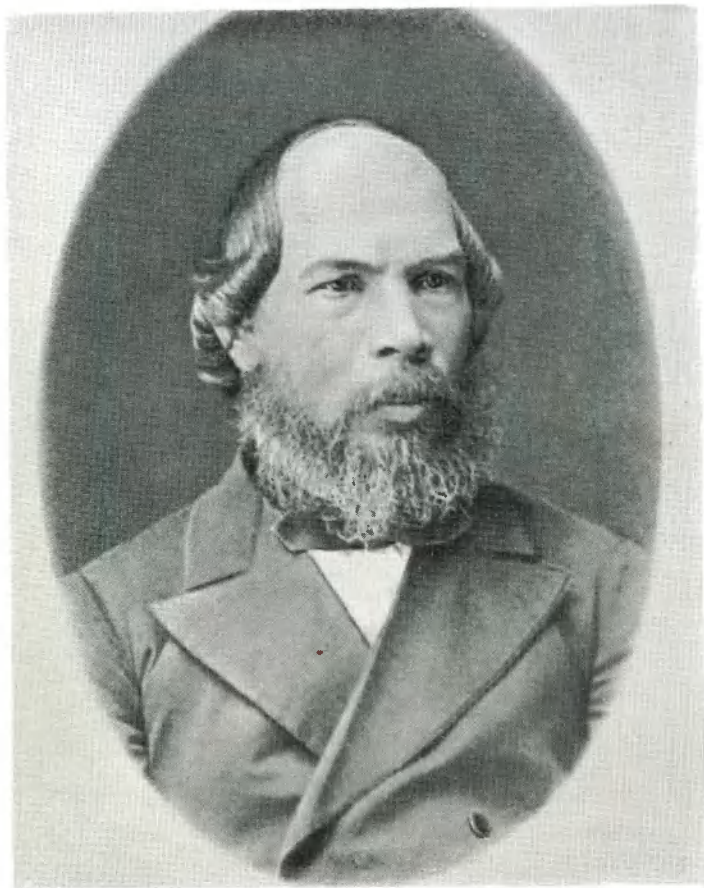
Володя и Оля Ульяповы. 1874 г.

Семья Ульяновых. Симбирск. 1879 г.

Митя и Маняша Ульяповы. Симбирск. 1880 г.

И. Н. Ульянов. Симбирск. 1882—1883 гг.

Владимир Ульянов. Симбирск. 1887 г.

Ольга Ульянова. Симбирск. 1887 г.

Анна Ульянова. Петербург. 1883—1887 гг.

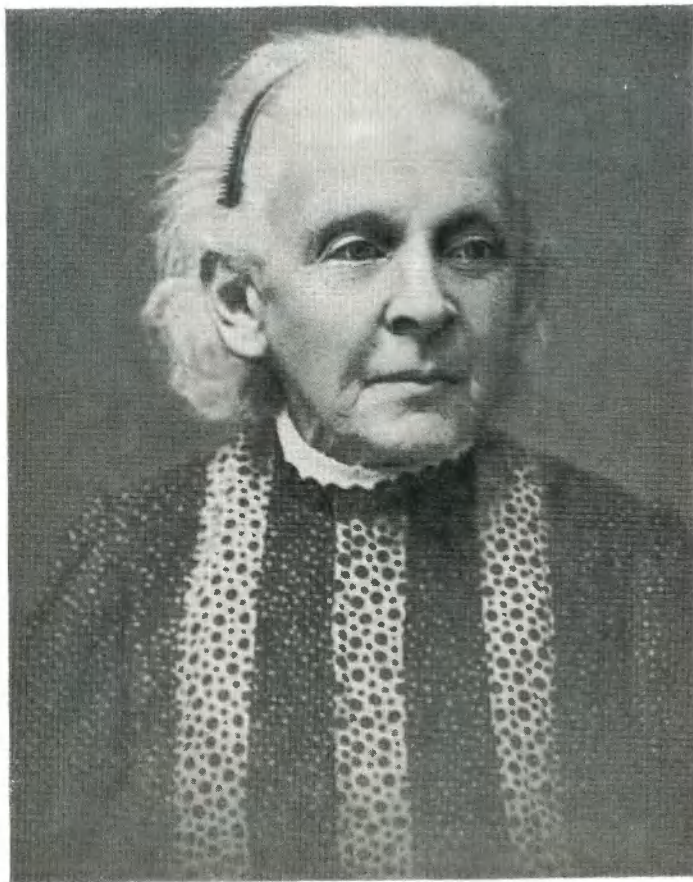
Александр Ульянов. Казань. 1886 г.

Д. И. Ульянов. Самара. 1891 г.

М. А. Ульянова и А. И. Ульянова-Елизарова, 1910 г.

М. А. Ульянова в последние годы жизни. Петроград.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	3
НАЧАЛО	5
НИЖНИЙ НОВГОРОД	12
СИМБИРСК	16
КАЗАНЬ	50
САМАРА	60
МОСКВА	76
ПОДОЛЬСК	87
СНОВА В САМАРЕ	97
КИЕВ	105
САБЛИНО ,	110
СНОВА В МОСКВЕ	116
САРАТОВ	124
ВОЛОГДА	131
ПЕТРОГРАД	135

Трофимов Ж. А.

**Т76 Мать Ильича: Докум. очерк.— М.: Сов. Россия,
1985.— 144 с., 8 л. ил.**

В основу книги положены воспоминания членов семьи Ульяновых, Н. К. Крупской, переписка В. И. Ленина с родными, а также мемуары их современников, архивные документы и материалы. Особое внимание автор уделяет 60—90-м годам прошлого столетия — периоду, когда формировались быт и традиции семьи Ульяновых.

Рассчитана на широкий круг читателей.

0103020000—001
Т М-105(03)85 3—85

ЗК26

ЖОРЕС АЛЕКСАНДРОВИЧ ТРОФИМОВ

МАТЬ ИЛЬИЧА

Редакторы *Е. В. Галеева, Е. А. Залегина*
Художественный редактор *Л. Е. Безрученко*
Технический редактор *Л. А. Фирсова*
Корректор *Т. А. Лебедева*

ИБ № 3820

Сдано в наб. 09.07.84. Подп. в печать 18.12.84.
А14559. Формат 70×108/32. Бумага для глубокой печати (на вкл.— мелованная). Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 7,0 (в т. ч. вкл.— 0,7). Усл. кр.-отт. 7,96. Уч.-изд. л. 6,56. (в т. ч. вкл. 0,61). Тираж 50 000 экз. Заказ 1283. Цена 45 к. Изд. инд. МПЛ-435.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25,

45к.

ДА БУДЕТ СЛАВНО ИМЯ – ИМЯ МАРИИ
АЛЕКСАНДРОВНЫ УЛЬЯНОВОЙ – И ИМЯ ЕЕ
ДА НЕ ЗАБУДЕТСЯ ИЗ РОДА В РОД,
ИЗ ПОКОЛЕНИЯ В ПОКОЛЕНИЕ
НАШЕГО И ВСЕМИРНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО
БОЕВОГО ПРОЛЕТАРИАТА, ВЕДУЩЕГО
КЛАССОВУЮ БОРЬБУ ЗА СВОБОДУ
УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ НЕ НА ЖИЗНЬ,
А НА СМЕРТЬ.
ОНА – ОНА МАТЬ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА!